

Майк Тоцци и Катберт Гиббонс

Энтони Бруно

Психопат

1992

Бруно Э.

Психопат / Э. Бруно — 1992 — (Майк Тоцци и Катберт Гиббонс)

Трупы двух лидеров криминального мира нашли изуродованными, на телах были вырезаны кресты... Пресса сразу же затрубила, что в окрестностях Нью-Йорка орудует убийца-маньяк. Повинуясь своей интуитивной догадке, агенты ФБР Гиббоне и Тоцци – пускаются в преследование убийцы-манипулятора. Им кажется, что это Сол Иммордино, который совершает свои убийства загадочным путем, сидя в изоляторе сумасшедшего дома...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	35
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Энтони Бруно

Психопат

Глава 1

На душе у Сабатини Мистретты было муторно. Он сидел у Сил, сестры Сола Иммордино, и пил отвратительный кофе, заедая его печеньем. Только накануне он дал согласие на смертный приговор ее брату. В довершение ко всему Сил – монахиня. Старый дон мафии плотно сжал губы. Черт знает что.

Он взял еще одно печенье с тарелки, ненадежно стоящей на подлокотнике дивана. Вкусное, только есть так много не следовало бы. Но ведь нужно же чем-то перебить вкус приготовленного Сил кофе.

– Налю вам еще, мистер Мистретта?

Сил наклонила голову набок и смиренно улыбнулась, ее большие очки блеснули.

Мистретта приложил руку к животу и скорчил гримасу.

– Нет, Сил, спасибо. Я и так не смогу уснуть до утра.

– А тебе, Джерри?

Джерри Релла, шофер и телохранитель Мистретты, пожал плечами и кивнул:

– Налей, Сил. Полчашечки.

На его грубоватом, внушающем доверие лице появилась любезная улыбка. Взгляд блестящих голубых глаз излучал доброту. Он вообще был добрым человеком, пока его не задевали за живое.

Встав с противоположного дивана, Сил взяла у Джерри блюдце с чашкой.

– Сейчас.

Она повернулась и плавной поступью отправилась на кухню в задней части дома – старого особняка, превращенного в приют Марии Магдалины для матерей-одиночек.

Мистретта поднял взгляд к потолку, пятнистому от сырости. Крыша прохудилась. И весь дом пришел в плачевное состояние. Мебель в гостиной годится только на свалку. Его удивляло, что Сил не просит денег. Раньше она при каждой встрече донимала его этой просьбой, хотя неизменно встречала отказ. Он отвечал ей, что денег у церкви много. Например в Ватикане. Чего стоит взять оттуда немного золота и вложить в приют. Однако Сил упряма, как ее братец. Не желает обращаться за деньгами в епархию. Заявила, что хочет оставаться независимой. Поэтому ей и несчастным девчонкам с младенцами приходится жить в этой развалюхе на окраине Джерси-Сити. Но теперь у Мистретты было муторно на душе, брат Сил обречен на смерть и все такое прочее. Может, дать ей парочку тысяч. Хотя бы на ремонт крыши.

Джерри, сидящий на третьем диване, протянул руку и взял печенье. Под взглядом Мистретты впился в него зубами, обсыпав сахарной пудрой лацкан пиджака. Мистретта подумал, не ему ли заказано убрать Сола. Джерри не раз брался за такую работу, пока не стал телохранителем. Стрелять он умеет.

Кто знает? Для этой работы могли выбрать и Джерри. Хорошо, если так, но Мистретта решил держаться в стороне. Ему стали надоедать все эти дрызги. Повседневные заботы он готов предоставить другим. Однако если Сола Иммордино уберет Джерри, у него установятся хорошие отношения с Джуси Вакарини, и, когда некоторые обязанности дона перейдут к Джуси, он позаботится о парне. Это хорошо. Если, конечно, работа заказана Джерри.

Мистретта поглядел на Джерри, стряхивающего с лацкана сахарную пудру. Отличный парень, прекрасно ладит со всеми. Однако близкими друзьями они с Солом никогда не были, и если Джерри появится в психушке, Сол догадается зачем. Может, это дело поручено и не ему.

Дон задумался. Возможно, исполнителем будет сын Бартоло, Фрэнк-младший. Отчаянный сукин сын и почти такой же здоровяк, как Сол. Неплохой способ для парня завоевать уважение в семье. Правда, умом Фрэнк-младший не блещет. Возможно, он сумеет проникнуть к Сола под видом пациента. Парень он решительный и за эту работу возьмется.

Потом есть еще Джой д'Амиго с большой уродливой бородавкой на носу. Мистретта недоумевал, почему парень не обратится к врачу и не уберет эту штуку. Работник д'Амиго неплохой, но подлиза. Как только Сола не станет, начнет подмазываться к новому дону, ругать покойного, все рассказывать об остальных ребятах в команде. Уродливый гаденыш, он уберет Иммордино уже хотя бы для того, чтобы подольститься к Бартоло.

Сил вернулась в гостиную, неся Джерри кофе. Казалось, она плывет, словно призрак, потому что ног под длинной рясой не было видно. Поставив чашку на край стола, села и сложила на коленях руки, мило улыбаясь безо всякой причины. Мистретта решил, что она собирается опять попросить денег. И когда он ответит – да, шлепнется от удивления в обморок.

– Мистер Мистретта, у меня есть для вас небольшой сюрприз.

Дон приподнял кустистые брови:

– Вот как?

С ее лица не сходила странная легкая улыбка.

– В подвале.

Мистретта наморщил лоб и подергал кожу под нижней челюстью.

– В подвале?

Улыбка Сил стала еще шире.

– Да.

Дон поглядел на Джерри, тот, потягивая кофе, пожал плечами.

– Сил, что там?

– Не могу сказать. Секрет.

Стекла ее очков блестели. Мистретта пожалел, что за ними не разглядеть глаз.

Она поднялась и указала на дверь под лестницей, ведущую в подвал. Мистретта посмотрел через плечо на окна, выходящие на темную улицу. Дрянной район. Голос повышать нельзя, мало ли кто может оказаться поблизости.

– Сил, почему не хочешь сказать, что там? В подвале небось полно тараканов, я их терпеть не могу.

– Тараканов нет. Уверяю.

Она продолжала улыбаться, словно Пресвятая Дева только что спустилась к ней и отмочила шутку.

Джерри, опершись локтями о колени, ждал, когда дон решит, как поступить.

Мистретта пожал плечами:

– Ладно, спустимся, посмотрим, что там у тебя.

Встав с дивана, он сморщился от боли в коленях. Артрит. Старость не радость. Джерри последовал за ним к подвальной двери. Мистретта решил, что, должно быть, девчонки, живущие здесь, что-то смастерили. Когда он приезжал сюда прошлый раз, одна из этих беременных дурочек подарила ему сделанную собственными руками кормушку для птиц. Сил пыталась разжиться деньгами, заставляя своих соплячек делать кормушки. А сколько кормушек продашь в этом районе? Люди не хотят здесь жить, а птицы и подавно. Сил неплохая девушка, но именно она в семье Иммордино действительно сумасшедшая.

Джерри открыл дверь и стал спускаться. Мистретта ждал, что за ним последует Сил, но та снова отправилась на кухню.

– Сил, ты куда? Как я понял, ты приготовила для нас сюрприз.

Она оглянулась.

– Вы найдете его внизу. – Пожала плечами, брови поднялись над оправой больших очков. Продолжая улыбаться, закусила нижнюю губу. – Нужно выключить чайник. Я снова готовлю себе чай.

И, трепеща черным одеянием, скрылась в дверном проеме.

Мистретта, вздохнув, поглядел на Джерри и постучал себя по виску.

– Джер, у нее и наверху свет не всегда горит. Спускайся. Посмотрим, что она заставила мастерить девок на сей раз.

Джерри кивнул и щелкнул выключателем на стене. У спуска в подвал вспыхнула тусклая лампочка без абажура. Должно быть, двадцать пять ватт. У Мистретты вновь стало муторно на душе. Сил старается экономить на чем только возможно.

Спускаясь по узкой лестнице, Джерри слегка опирался ладонью о стену. Внизу горел свет, до Мистретты доносились звуки телевизора. Похоже, шла игровая передача по седьмому каналу, та, где блондинка открывает буквы – как там она называется?

«Колесо фортуны».

Мистретта зашагал вниз, грузно опираясь о перила. И скрипел при этом зубами. От ходьбы по лестницам у него сильно болели колени.

– Джер, так что же у нее там? Скажи, чтобы мне не спускаться до конца.

Джерри уже почти достиг подножия лестницы.

– Я ничего не вижу, мистер Мис...

Пффитт, пффитт!

Сойдя с последней ступеньки, Джерри развернулся и стал падать, как срубленное дерево. Одна рука его осталась за бортом пиджака, где он носил пистолет, другая – на лацкане. Он грохнулся боком, сильно, будто говяжья туша на стол.

– Джер!

Грудь Мистретты часто вздымалась. Он нагнулся и увидел, что телохранитель распростерся на черно-белых квадратах линолеума. Его голубые блестящие глаза остекленели. Он был совершенно неподвижен, лишь по рубашке расплзлось кровавое пятно.

– Как поживаете, мистер Мистретта?

Старый дон вздрогнул:

– Кто там?

Он пристально взгляделся в тускло освещенное помещение. Но оттуда слышался только голос. Стиснул челюсти, потому что боль в коленях стала невыносимой.

– Вы уже забыли меня? А ведь не прошло и двух лет. Почему не спускаетесь? Потолкуем кое о чем, возобновим знакомство.

Мистретта разглядел длинный ствол, торчащий из полумрака у нижней ступеньки. Пистолет с глушителем. Проклятая штука смотрела ему прямо в глаз. Старик поморщился. Колени схватило так, что он не мог даже выпрямиться. Не мог побежать наверх ради спасения жизни, будь на это хоть какая-нибудь надежда.

– Спускайся, Мистретта. Вспомним прежние времена. Давай-давай.

Мистретта с усилием шагнул на следующую ступеньку. Теперь он разглядел лицо за этим чертовым пистолетом. И не поверил своим глазам. Внизу стоял Сол Иммордино, брат Сил.

– Что ты делаешь здесь, черт возьми? Тебе положено находиться в психушке!

Здоровенный детина лишь пожал плечами и улыбнулся совсем как его сестра. Мистретта обернулся и глянул наверх.

– Заманила в ловушку, черт возьми. А еще монахиня. Праведница.

Сол покачал крупной головой, его мясистые щеки затряслись.

– Сил не заманивала. Я сказал ей, что хочу удивить тебя. А она верит всему, что я говорю. Она до сих пор считает, что мы независимые бизнесмены. Я велел ей пригласить тебя сюда, так как знал, что ты будешь рад повидаться, Мистретта. Разве не так?

От гнева Мистретта не мог выдавить ни слова. Сол, видимо, прятался под лестницей, дожидаясь, когда он и Джерри спустятся. Похоже, этот скот со дня их последней встречи расползся еще больше. Весит, должно быть, не меньше двухсот семидесяти фунтов. При росте шесть футов пять дюймов. Здоровенный мешок дерьма.

Старый дон злобно глянул в дуло пистолета:

– Сол, как ты, черт возьми, выбрался из психушки? Вступил в сделку с властями? И будешь стучать на меня, так?

Иммордино оттопырил нижнюю губу и потряс головой:

– Спускайся. Поговорим.

– Пошел знаешь куда?

Мистретта услышал наверху шаги.

– *Как там у вас, все в порядке?*

Голос принадлежал Сил.

– Н...

Глушитель воткнулся ему в рот, ударясь о передние зубы, и прижался к зеву. Привкус смазки металла был еще противнее, чем кофе Сил, и Мистретта ощутил рвотную спазму.

– Все отлично, Сил, – ответил ей брат. – Ложись спать.

– *Ладно, Сол. Доброй ночи, мистер Мистретта. Доброй ночи, Джерри.*

Сол широко усмехнулся:

– Доброй ночи.

Дверь наверху закрылась.

Усмешка Сола стала злобной.

– Я же просил тебя спуститься с этих чертовых ступенек. Чего ждешь?

Мистретта отвел голову, чтобы ствол вышел из рта. Понимает этот тип, с кем он говорит? Полез пальцем в рот.

– Ты сломал мне зуб, скотина.

– А ты упек меня в психушку на полтора года. Ну как, будем считать, что мы в расчете?

– Ты не понимаешь, Сол.

– Еще как понимаю. Ты одобрил решение Джуси и Бартоло убрать меня.

Сердце Мистретты заколотилось еще сильнее.

– Чушь. Кто тебе наплел?

– Не важно кто. И я знаю, что это не чушь.

– Ты совсем запутался, Сол. Ты ничего не понимаешь.

– Я понимаю, что ты отдал мою команду Бартоло и позволил присвоить кучу денег, которые по праву мои, на них я мог бы нанять хорошего адвоката.

– Сол, ты же знаешь эти дела. Как поступить с деньгами, зависело от Бартоло.

– Мог бы заставить его. Или ты уже не дон?

– Не сердь меня. Ты знаешь, что я дон.

– Только толку от тебя мало. Не заботишься о своих людях. Я столько сделал для тебя, а когда попал в переplet, ты забыл обо мне.

– Я никогда не забывал о тебе, Сол.

– Но никогда ничего не сделал для меня! – выкрикнул Сол. Злобно сверкнул на Мистретту глазами, потом оглянулся через плечо. – Чарльз, сделай звук погромче. Не хочу, чтобы слышала сестра.

И тут Мистретта заметил в отсветах от телевизионного экрана еще двоих – негра, здорового, хотя и не такого, как Иммордино, и белого, который съезжился на изодранном диване, вперясь в маленький черно-белый телевизор, стоящий на пластиковом ящике из-под молока. Тощий, бледный, с длинными волосами на темени, но выбритыми возле ушей. Он что-то бор-

мотал под нос, подергиваясь и раскачиваясь взад-вперед, взгляд его был неотрывно устремлен на экран. Всякий раз, когда он дергался, глаза его на секунду закатывались.

– Эй, Мистретта! Кажется, я велел тебе спуститься.

Дон глянул ему в глаза:

– Это же дом твоей сестры. Святое место. Как ты можешь осквернить его таким делом?

– Забудь о моей сестре. Она ничего не знает. И с каких это пор ты беспокоишься о ней?

Она много лет выпрашивала у тебя небольшое пожертвование на этот дом, а ты всегда отказывал. Говорил – попроси у Папы Римского.

– Ты говорил ей то же самое, Сол. И ни разу не дал ни... – Мистретта скорчил гримасу. Должно быть, нерв треснувшего переднего зуба обнажился, потому что холодный воздух вызывал в нем жуткую боль. – Ну, так в чем твоя проблема, Сол? Скажи. Может, я смогу сделать, что нужно.

Глаза Сола превратились в щелки, губы растянулись в злобной усмешке.

– Знаешь, Мистретта, меня смех берет. Говоришь, сделаешь, что мне нужно? Чушь. У тебя уже нет власти.

– Ты сам не знаешь, что говоришь.

– Вот как? Бартоло тебя не слушает. Он теперь подчиняется Джуси Вакарини.

– Джуси?

– Да. Большинство капо слушают его. В последнее время делами заправляет он, потому что тебе стало на все наплевать. Джуси вполне может стать доном. Он только ждет твоей смерти, чтобы принять этот титул.

– Ты сам не знаешь, что говоришь, – тупо повторил Мистретта.

– Я знаю, что говорю. Знаю, что Бартоло должен мне четыреста тысяч, и, что бы ты ни обещал, ты не заставишь его отдать их. Еще я знаю, что он и Джуси вынесли мне приговор и, даже если б ты отменил его, они бы тебя не послушали.

– Они послушают. Мы устроим сбор, и ты скажешь им в лицо, что, находясь в Трентоне, не стучал на них. Мы отменим этот приговор.

– У тебя нет власти.

Сол вытянул руку, наведя дуло на галстук Мистретты.

Старый дон невольно сглотнул. Раны в горле очень болезненны. Он видел, как страдают от них люди. Скрипнул зубами, и холодный воздух снова коснулся треснутого зуба. Глянул на тело Джерри. Рубашка его уже вся пропиталась кровью.

– Зачем ты убил его, Сол? Он был хорошим парнем.

– *Был.* Джерри мне нравился. Но если б он увидел меня здесь, внизу, то убил бы. Смотри. Он держится за пистолет.

– Без моего приказа он бы тебя не убил.

Глаза Сола сверкнули.

– Не морочь мне голову, Мистретта.

Он опустил пистолет и упер ствол Мистретте в колено.

Пффитт!

Мистретте показалось, что с колена слетела чашечка. Он инстинктивно потянулся к нему, но потерял равновесие и повалился вперед. Покатился по ступенькам, ударяясь плечами, спиной, и упал на тело Джерри. Боясь испачкаться в обильной крови, быстро скатился с него, несмотря на боль, и прижался к стене. Опершись руками, приподнялся и сел, глаза его неудержимо моргали. Казалось, колено только что раздавил грузовик.

– Я отойду от дел, – пробормотал он. – Надоела мне такая жизнь. Только я хочу отойти от дел и жить спокойно.

– Нехорошо. Очень плохо. Очень.

Тощий парень пялился на него безумными глазами, раскачиваясь взад-вперед и беспрестанно крестясь.

– Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь. Во имя Отца...

Мистретта хотел было перекреститься и сам, но побоялся потерять равновесие и упасть.

– Дай ему еще пилюлю, – сказал Сол негру.

– Он в порядке. Да и все равно сейчас давать нельзя. Слишком рано.

– Ты уверен, что он в порядке?

– В лучшем виде.

– Тогда заставь его замолчать.

После этих слов Сол уставился на Мистретту.

Мистретта держался за грудь. Ему было трудно дышать.

– Чего ты хочешь, Сол? Скажи. Получить деньги с Бартоло? Я тебе помогу.

– К черту деньги, Мистретта. Я их раздобуду. Хочешь знать, чего я действительно хочу?

– Чего? Скажи.

– Твоего места. Хочу стать доном.

– Ты сошел с ума.

– У меня есть преданные люди. Их не меньше, чем у Джуси. Они считают, что я давно должен занять твоё место. Теперь я его займу.

– Брось, Сол. Это невозможно. Чего ты хочешь на самом деле? Я готов тебе помочь.

Ноздри Иммордино раздулись.

– Я сказал чего. Хочу стать доном. И добьюсь своей цели. Хочешь посмотреть как?

– Брось, Сол. Ты ведешь себя, как сумасшедший.

– Думаешь, я спятил? Смотри.

Он встал над телом Джерри так, что оно оказалось у него между ног. Держа пистолет двумя руками, опустил его и прицелился.

– Смотри. Я совершу над ним последний обряд. Соборование.

Сол приставил глушитель ко лбу Джерри.

– Во имя Отца...

Пфиттт!

Голова Джерри подскочила. Сол приставил дуло к его животу.

– И Сына...

Пфиттт!

Все тело дернулось. Он приставил пистолет к правому плечу.

– И Святого...

Пфиттт!

Рука взлетела и шлепнулась на место.

К левому плечу.

– Духа...

Пфиттт!

Ладонь разжалась.

– Аминь.

– А-минь.

Негр скалился, как шимпанзе.

– Гнусный ублюдок, – пробормотал Сол, глядя на тело Джерри. – Я дал ему в долг двадцать тысяч на свадьбу дочери, а он хотел убить меня.

– Нет, Сол... нет. – Мистретта дышал со свистом. – Ты делаешь поспешные выводы.

– Нехорошо. Очень плохо.

Белки глаз маленького тощего парня сверкнули в тусклом свете, когда он взглянул на Джерри, раскачиваясь взад-вперед и беспрестанно крестясь.

Когда Мистретта снова поднял взгляд, Сол смотрел на него с улыбкой. Потом нагнулся и прошептал в лицо:

– Не говори, что я ничего не дал тебе, старый осел.

Мистретта сузил глаза и взглянул на него в упор:

– Смотри, Иммордино, ты станешь жалеть об этом всю жизнь. Я буду являться тебе.

Клянусь Богом.

Последнее, что ощутил Мистретта, – прикосновение горячего дула ко лбу.

– Во имя Отца...

– НЕТ!

Пффитт!

Глава 2

– Тоцци, поверь, это не Бог весть что. – Особый агент ФБР Катберд Гиббонс отхлебнул из пивной бутылки. Он сидел боком к стойке, облокотясь на нее. Наступил вечер пятницы, и бар «Гилхули» наполнялся веселой публикой. – Не конец света. Ну, исполнится тебе сорок. Что из того?

Особый агент Тоцци поглядел на Гиббонса, потом на свою нетронутую бутылку пива. И наконец поднес ее к губам. Слушать эту чушь ему не хотелось.

– Можешь мне поверить, Тоц. Сорок лет – это ерунда.

Тоцци не отводил взгляда от зеленой бутылки в своей руке.

– Тебе-то откуда знать? Ты небось и не помнишь.

– То есть как? Сорок мне стукнуло не так уж давно.

Голос Гиббонса зазвучал жестко. Он всегда раздражался, когда речь заходила о его возрасте.

Тоцци усмехнулся напарнику и покачал головой. Потом в зеркале за стойкой стал разглядывать публику. Бар «Гилхули» – любимое место утоления жажды у муниципальных служащих, ибо расположен в двух кварталах от муниципалитета. Но в тот вечер туда еще набилась стая не особо преуспевающих адвокатов и даже несколько банковских служащих, нежно поглядывающих на секретарш и женщин-администраторов. Банковские служащие одеты были получше, чем адвокаты, и выглядели посвежей, правда ненамного.

Внимание Тоцци привлек столик секретарш у стены. Они смеялись и кудахтали, хватаясь за запотевшие стаканы виски с лимонным соком, им было весело. Две-три девицы были весьма милостивы. Они стали душой компании и, явно томясь по мужской ласке, разглядывали мужчин, казавшихся им холостыми. На холостяка Тоцци девицы не обращали внимания. Они высматривали хорошо одетых типов, не достигших тридцати. Их не интересовал сорокалетний оперативник ФБР из Манхэттенского отдела по борьбе с организованной преступностью.

Оторвавшись от секретарш, Тоцци поглядел в зеркало на себя, сидящего рядом с Гиббонсом. Не урод, но уж вряд ли кто из женщин на него особо польстит. Его темные, глубоко посаженные глаза смотрели устало, даже когда он хорошо выспался. Двойного подбородка, как у Гиббонса, нет – пока, но лицо выглядит более мясистым, чем хотелось бы. Волосы на темени поредели, хотя и не так, как у большинства сверстников. Беспokoила седина. Седые волосы заметны уже за десять шагов.

Конечно, таким, как Гиббонс, он станет еще не скоро. Тот *уже* выглядит пожилым. Не старым, но стоящим на пороге старости. Волосы его начали выпадать задолго до того, как Тоцци познакомился с ним. Оставалось несколько тонких седых прядей, которые он зачесывает назад. Двойной подбородок бросается в глаза. А нос, горчащий, словно большой стручок жгучего перца, а маленькие, неприветливые глаза, почти безгубый рот? И в довершение всего несносный характер.

Пристально вглядываясь в их лица, Тоцци содрогнулся. Через пятнадцать-шестнадцать лет он станет таким же. Господи.

Но беспокоили его не увядающий облик и не седеющие волосы. Беспокоил тот факт, что половина жизни прошла, а он не совершил ничего такого, чем стоило бы гордиться. Конечно, ловить преступников и держать банды в страхе – это кое-что, но этого мало. Он не создал ничего долговечного. Не построил дома, не написал замечательной песни. У него даже детей нет.

В двадцать – тридцать лет холостяцкая жизнь катилась беззаботно, он постоянно менял женщин, но мысль об одиночестве в сорок оказалась печальной и трогательной. Для юных девиц он уже слишком стар, для женщин своего возраста не созрел.

Тоцци отпил еще глоток пива и поднял взгляд к телевизору над стойкой. По девятому каналу шли местные новости. Негр в очках вел репортаж об автоинспекторе, обстрелянном в прошлом месяце при исполнении служебных обязанностей. Бедняга с рукой на перевязи сидел в кресле-каталке, жена, возя его по тесной, многолюдной квартире, натыкалась то на стены, то на мебель.

Тоцци покачал головой и вздохнул. Миловидные секретарши уже опьянели.

К черту. Пора уходить отсюда.

Гиббонс повернулся к стойке и положил на нее локти.

– Чего грустишь, Той? Послушай. Не бойся ты так сорокалетия. Когда исполняется четыре десятка, настроение бывает такое, хоть в петлю лезь, но через неделю все забывается.

– Дело не в этом.

– Ну да, как же.

– Говорю тебе – нет.

– Тогда что тебя беспокоит? Экзамен на получение черного пояса? Ты в хорошей форме.

И выдержишь его. Не волнуйся.

Тоцци поглядел на него в упор. Не хватало только подбадриваний.

– И не в этом тоже.

Экзамен на получение черного пояса составлял лишь часть проблемы.

– Тогда что тебя мучит, Тоц? Можешь ты мне сказать? Я провожу с тобой больше времени, чем со своей благоверной, а ты не желаешь откровенничать? Знаешь, Лоррейн давно предсказывала, что ты станешь несносным к сорока годам. Так оно и вышло.

– Откуда она могла знать, черт возьми?

– Она *твоя* двоюродная сестра.

– Значит, вот чем вы занимаетесь в постели перед тем, как погасить свет? Судачите обо мне?

Гиббонс удивленно поглядел на него.

– Кто судачит?

И оскалил в усмешке зубы. Юморист.

Тоцци соскользнул с табурета.

– Мне пора. До завтра.

Гиббонс ухватил его за рукав.

– Эй-эй! Куда?

– Займусь писаниной по делу Мистретты.

– Сейчас восемь часов. Мы отработали двенадцать. Думаю, сегодня налогоплательщики не могут иметь к нам никаких претензий. Сядь и успокойся.

– Нет, серьезно. Иверс срочно требует отчет. Увидимся в понедельник.

Гиббонс положил руку на плечо Тоцци:

– Послушай, Тоц, что скажу. Одному человеку распутать все преступления в Нью-Йорке не по силам. Даже тебе. Свою работу сегодня мы сделали. Обследовали место преступления, собрали улики. Провели весь день с этими двумя трупами. Теперь надо ждать результатов экспертизы. Пойми, каждый должен нести только свое бремя. С возрастом понимаешь, что, собственно, в этом жизнь и заключается. Теперь, почти достигнув середины жизни, ты должен это уразуметь.

Смеется, гад. Думает, все это очень остроумно.

– Пошел ты, Гиббонс.

– Чего ты, я просто объясняю тебе положение вещей.

– Послушай, Иверсу нужен подробный отчет. Когда убивают одного из донов мафии, Бюро должно сделать какое-то заявление для прессы, а ему уже надоело отделываться общими фразами.

Рой, бармен, подошел к ним, протирая по пути стойку. По мнению Тоцци, ему было лет двадцать восемь – тридцать. Белокурый, мускулистый, стройный, он всегда выглядел жизнерадостным. Тоцци наблюдал, как его большая рука орудует тряпкой на стойке. Чего ж этому парню не радоваться жизни? Он пока что не на пороге сорокалетия.

– Еще по одной, джентльмены?

Гиббонс глянул на бутылку напарника. Она была почти полной.

– Мне еще одну, Рой. А моему другу, наверно, чашку травяного настоя, раз он сегодня не пьет. Видимо, бережет здоровье.

Бармен хрипло заржал, обнажив безукоризненно белые зубы. Смеялся он добродушно, но по-дурацки. И Тоцци решил, что ненавидит этого парня.

Мускулистый дурак достал из-под стойки бутылку пива. Гиббонс допил то, что оставалось в первой, потом взглянул на часы. Рой поймал его взгляд, кивнул и придал лицу непроницаемое выражение.

Тоцци нахмурился. Они что, затевают какой-то розыгрыш? И дал себе слово уйти, если кто-то появится с тортом ко дню рождения. Пусть считают, что у него нет чувства юмора. Сейчас ему не до шуток. К тому же день рождения у него через две недели.

Рой подошел к концу стойки, поднял руки и включил телевизор на полную громкость. Со своими ручищами он походил на орангутанга. На экране ведущий занудно переговаривался со спортивным обозревателем и синоптиком. Потом их сменила коммерческая программа, телевизор громко загудел, и появился автомобиль, мчавшийся по усеянной палыми листьями проселочной дороге.

– Гиб, что это значит? На кой черт он так усилил звук?

– Что? Не слышу.

– Не смешно, Гиббонс. Совсем не смешно.

– Что-что?

Автомобильная реклама кончилась, началась другая. Услышав размеренные, глухие удары по барабану, Тоцци узнал ее. Камера демонстрировала огромный зал для тяжелой атлетики с блестящими хромированными снарядами. На экран можно было даже не смотреть – этот ролик знали все.

– Гиббонс, что это? Ради меня?

– Помолчи, Тоц. Я хочу послушать.

Камера замерла, и появилась та самая девица в красных колготках, под майкой-безрукавкой такого же цвета торчали грудки, краснели пухлые губы, томно смотрели глаза, грива длинных белокурых волос спадала на спину и плечи; девушка поднимала и опускала небольшую штангу, с каждым движением груди ее подрагивали.

На лице Гиббонса растянулась противная усмешка, от уха до уха. Рой приложил ладони ко лбу козырьком, стараясь не рассмеяться.

"...оздоровительный центр «Иикербокер», – загремел ее усиленный голос, – с четырнадцатью залами, расположенными в Манхэттене, Бруклине, Куинсе, на Стейтен-Айленд и в Нью-Джерси. Приглашаем – приходи и...

—НА-КА-ЧИ-ВАЙ-СЯ!

Все, кто сидел в баре, выкрикнули завершающее слово, блондинка произнесла его с таким призывным взглядом – "давай, парень, приходи и накачивайся ради меня". Ее даже окрестили Мисс Накачивайся. Оздоровительный центр всю весну выпускал в эфир этот ролик, и каждый нормальный мужчина в Нью-Йорке воцелел к блондинке. Даже Тоцци не мог отрицать, что, впервые увидев ее, испытал желание. Только на кой черт включать ящик на полную громкость и оглушать всех? Не извращенцы же здесь собрались, в конце концов!

Пожав плечами, Тоцци взглянул на Гиббонса:

– Ничего не понимаю. Предполагается, что это смешно?

– Это ведь твой любимый ролик, Тоц. Сам же говорил.

Тоцци зажмурился и потряс головой. Он не верил своим ушам. Совсем по-детски. А для пожилого человека, как Гиббонс, еще хуже того. По-стариковски. Хоть что-то да придумать. Ха-ха-ха.

– Слушай, Тоцци, давай по правде. Говорил ты мне в прошлом месяце или нет, что, будь у тебя последнее желание перед смертью, ты хотел бы провести пятнадцать минут наедине с Мисс Накачивайся? Отвечай. Говорил, или я спятил?

Рой покатывался со смеху. Музыка все грохотала, блондинка на экране продолжала поднимать штангу, демонстрируя соблазнительное тело, а закадровый голос расписывал условия оздоровительного центра.

– Ладно, ладно, признаю. Я признаю, что она лакомый кусочек. Ну так что же?

– А говорил, что хотел бы провести четверть часика с ней наедине?

Тоцци молча уставился на Гиббонса. Рой, надрывая животик хохотом, потянулся вверх, чтобы уменьшить громкость. Публика не сводила с них глаз, тупо улыбаясь, словно ждала какого-то продолжения.

Тоцци понизил голос:

– Ладно, Гиб, если это доставит тебе удовольствие – говорил. Я сказал, что не прочь бы провести минут пятнадцать наедине с Мисс Накачивайся. Ну? Доволен?

Передача кончалась. Он бросил последний взгляд на блондинку и вздохнул. Его дни с девчонками такого возраста позади. Он понятия не имел, как вести себя с подобной девицей.

Гиббонс все скалил свои зубы.

– Так вот, Тоц, твое желание для меня закон.

И тут кто-то похлопал Тоцци по плечу. Он закрыл глаза и стал поворачиваться, ожидая увидеть торт в форме Мисс Накачивайся со множеством свечек, торчащих из груди наподобие пылающих дикобразов. Но увидел совсем другое.

– Что за...

Положив руку ему на плечо, она трепала волосы на его затылке. Карие глаза призывно смотрели на него. Пухлые губы почти касались его лица. Золотисто-бронзовые волосы лились водопадом. А эти невероятные груди – они парили под ее подбородком. Он старался не смотреть в заманчивую ложбинку, но для этого приходилось прилагать немалые усилия.

– Привет, Тоцци, – сказала она.

– Э... привет.

Гиббонс и Рой утирали навернувшиеся от смеха слезы. Толпа подалась к ним, адвокаты и банковские служащие таращились, пристально разглядывая грудь девушки. Распустили слюни, ублюдки.

– Черт возьми, в самом деле она, – услышал Тоцци чей-то голос. – Мисс Накачивайся.

– *Этот* кавалер?

– Везет же людям.

Тоцци обернулся к завистливым голосам, но она отвела его голову обратно, коснувшись пальцем подбородка и прислонясь лбом к его лбу.

– Я много слышала о вас, Тоцци.

Голос ее звучал кокетливо, как и следовало ожидать при таких пухлых губках.

Лицо Тоцци жарко загорелось.

– Меня зовут Стэси. Стэси Вьера.

– Рад познакомиться с вами... Стэси.

– Давай-давай, Тоц, не мямли.

Гиббонс веселился от души.

В этот миг Тоцци обнаружил, что руки его лежат на талии Мисс Накачивайся. Он вдруг почувствовал неловкость и торопливо перевел ладони на ее обнаженные руки. Ощущение

девичьей кожи, тугой и вместе с тем нежной, было приятным. Он понял, что в нем пробуждается желание. Эта чертова штука в штанах очень своевольна. Пристально поглядел девушке в лицо и решил, что ей не больше двадцати. Вдвое меньше, чем ему. Он годится ей в отцы, черт возьми. И желание внезапно пропало.

Стэси слегка надула губы. Впилась в него взглядом. Вид у нее был расстроенный.

Гиббонс слегка толкнул его локтем.

– Эй, Тоц, что с тобой? Мы хотели слегка подбодрить тебя. А ты выглядишь, как на похоронах.

Стэси повернулась к Рою и нахмурилась:

– Кажется, он не понял шутки.

Тоцци свирепо глянул на Гиббонса, опять залившись краской:

– Это не смешно.

– Встряхнись немного, Тоц. Ты всю зиму ходил как в воду опущенный. Мы решили слегка развеселить тебя. Гиббонс тайком от Стэси поглядывал на ее грудь. Рой, перебросив полотенце через плечо, оперся о стойку и вмешался в разговор:

– Извини, Тоц, если мы поставили тебя в неловкое положение. Идея эта главным образом моя. Прошу прощения. Видишь ли, как-то вечером Гиббонс сидел здесь, прокручивали этот ролик, и он упомянул, что Стэси, на твой взгляд, лакомый кусочек. Я сказал, что знаю ее – видишь ли, я тренируюсь в Гринвич-Виллидж, где она ведет аэробику, и мы решили: вот будет весело, если ты познакомишься с ней во плоти. Я попросил Стэси, она согласилась, уточнила, когда ролик пойдет в эфир, чтобы устроить все так, как оно и вышло. Но, поверь, нам и в голову не приходило обижать тебя. Мы просто пошутили.

– Да, – подтвердила Стэси, – просто пошутили.

Тоцци глянул на ее по-детски пухлые губы и окончательно пришел в уныние. Ему хотели доставить удовольствие, и теперь он расстраивался, что из этого ничего не вышло. В ушах зазвучал ворчливый голос его двоюродной сестры Лоррейн. *Повзрослей. Остепенись.*

Он поглядел на Роя, потом на Гиббонса, стараясь не смотреть на Стэси. Допил последний глоток пива и поднялся с табурета:

– Пока, Гиб. Мне надо идти.

И направился к двери.

– Эй, Тоц, куда же ты?

– Извини, дружище, – крикнул ему вслед Рой. – Позволь угостить тебя за счет заведения.

– Рой, а ты говорил, он парень что надо.

Слова Стэси тянулись за Тоцци до самой двери, словно дождевая туча.

Он надел пальто и, ступив на тротуар, пожал плечами. Парень что надо? Полжизни уже прошло, черт возьми. Поздно гоняться за девочками вроде Стэси Вьера. Возраст не тот.

Ночь стояла холодная, сырая, противная. В свете уличных фонарей поблескивала изморось. Тоцци поднял воротник и сунул руки в карманы. Перебирая пальцами ключи от машины, стал думать об устроенной в баре шутке, досадуя на себя, что так расстроился. У Гиббонса и Роя были наилучшие намерения, а Стэси, видимо, славная малышка. Просто все оказалось не ко времени. Он не был настроен на шутки. Конечно, Стэси Вьера – воплощенная мечта, но ему уже не до нее. Гиббонс и Рой не понимали этого. Они не знали, что ему пора взрослеть.

Тоцци свернул в переулок, где стояла его машина. Там было безлюдно, тишину нарушал лишь приглушенный изморосью звук его шагов. Атмосфера полностью соответствовала настроению. Подойдя к машине, он достал ключи и подумал, что домой поедет не сразу, чтобы не смотреть какую-нибудь глупую телепрограмму. Лучше покататься немного под дождем. Сунув ключ в замок зажигания, он решил пересечь мост Джорджа Вашингтона и поехать в сторону Пэлисейда. Убить время, катаясь в темноте вдоль реки, слушая в темноте радио.

Но едва повернул ключ, в спину ему уперлось что-то маленькое, твердое. Напоминающее ствол пистолета.

– *Не шевелись и не оборачивайся.*

Голос мужчины звучал нервно. Он все тыкал Тоцци стволом в спину, хотя тот вел себя спокойно. Ждал, что еще скажет этот человек. Кто он? Если грабитель, почему не требует денег? Если убийца, то дилетант. Профессионалы не медлят.

Тоцци не произносил ни слова. Не хотел провоцировать того, кто был сзади. Но стал медленно поворачивать голову влево.

Упершись свободной рукой ему в лицо, мужчина вернул его в прежнее положение.

– *Я сказал – не оборачивайся!*

Сердце Тоцци облегченно забилося. Слава Богу, не выстрелил. Теперь ясно, что мужчина держит пистолет в правой руке.

Он подумал о возможности пустить в ход айкидо. Резко повернуться вправо к руке с пистолетом, прижаться к плечу стоящего сзади, держа при этом его запястье и контролируя направление ствола, потянуть руку вперед, чтобы мужчина потерял равновесие, потом задержать ее назад и прижать к затылку, направляя ствол пистолета вниз. Повалить на спину и направить ствол пистолета ему в лицо. *Коте гасэби.* Не самый легкий бросок, но он уже проводил такие. И, возможно, придется проводить при испытании на получение черного пояса.

Тоцци вдохнул и медленно выдохнул, чтобы успокоиться. Когда неизвестный снова вдавил ствол ему в спину, стал поворачиваться быстро, плавно, без суетливости, прижался плечом к его плечу, потянул за руку вперед, завернул ее вверх, завел за голову и выворачивал, пока тот не повалился спиной на тротуар. Человек не выпускал пистолета, но Тоцци крепко держал его запястье, и ствол смотрел в затененное лицо лежащего.

– Эй! Что за...

– Выпусти пистолет, – приказал Тоцци.

– Пошел ты.

– Выпусти...

– *Тоцци? Я извиняюсь за то, что мы там устроили.*

Тоцци поднял взгляд. Он узнал голос. Стэси Вьера стояла на углу, метрах в пятнадцати. Под фонарем виден был лишь ее изящный силуэт на высоких каблуках.

– Стэси, позови Гиб...

Его оборвал громкий, отрывистый хлопок. Выстрелил! Бедро Тоцци обожгло словно раскаленной кочергой. Затлели брюки, запахло паленым. Тоцци схватился за ногу и стиснул зубы. Черт! Стэси отвлекла его. Он ослабил хватку и потерял контроль за стволом. И этот гад нажал на спуск. Черт возьми!

Незнакомец перекатился и вскочил на ноги. В темноте не было видно, но Тоцци полагал, что пистолета он не выпустил. Согнувшись и держась за ногу, Тоцци, бледнея от боли, опустился на колени. Полез за пистолетом в пристегнутой к лодыжке кобуре.

– *Тоцци! Что случилось? Ты не ранен?*

Стэси побежала к нему. Каблочки ее щелкали по тротуару. Черт побери!

– Уйди! Спрячься за машину!

Тоцци подумал, что этот гад выстрелит в нее, потом разрядит всю обойму в него. Но, подняв взгляд, увидел, что тот стоит, опустив руки. В темноте лица его не было видно, но Тоцци казалось, что он в упор смотрит на Стэси.

– Распротак твою мать... – прошептал стрелявший.

– Это нехорошо. Очень нехорошо.

Тоцци повернулся на второй голос. Вгляделся в тени между стоящими машинами. Он безуспешно силился достать из кобуры пистолет. Начала кружиться голова, затошнило, но он крепился.

Достав наконец пистолет, Тоцци навел его на стрелявшего. Прохрипел:

– Стой.

Тот неожиданно выстрелил, вспышка на долю секунды осветила переулок. Тоцци слышал, как пуля пробила дверцу прямо над его головой.

– *Ни с места!* -выкрикнул Тоцци.

Человек повернулся и побежал со всех ног. Тоцци выстрелил поверх его головы, но тот не остановился. Опершись о машину, Тоцци поднялся, чтобы пуститься в погоню, но раненая нога подогнулась. Он шлепнулся на живот и прижался щекой к мокрому асфальту. Слышал удаляющееся быстрое шлепанье ног по лужам, вдали, под фонарем, увидел две бегущие фигуры, одну большую, другую маленькую. Большой, казалось, подталкивал маленького. Потом он снова услышал сзади щелканье каблучков Стэси.

Девушка опустилась возле него на колени прямо рядом с его лицом.

– О Господи! Ты не ранен? Ты не ранен?

Тоцци хотел приподняться, но боль в ноге была невыносимой. Попытался шевельнуть ею, но она не повиновалась, и он повалился на бок, пробормотав:

– Позови Гиббонса.

– О Господи! – продолжала твердить Стэси. Она кусала пухлые губы и истерически повторяла: – О Господи! О Господи!

– Иди позови Гиббонса, – пробормотал он снова. – Не волнуйся. Я в норме. Только позови Гиббонса. *Иди же!*

Девушка неохотно поднялась и нетвердо зашагала к бару, то и дело останавливаясь и оглядываясь, боясь бросить его одного.

– Иди-иди, Стэси. Позови Гиббонса. Иди же. И вызови «скорую помощь».

Он пытался говорить как можно бодрее, хотя почти терял сознание.

Снова положив голову на асфальт и зажмурясь, Тоцци потянулся рукой к ране.

Черт, подумал он. Придется пропустить испытание на черный пояс. *Черт!*

Глава 3

Сол Иммордино сидел, сторбясь, на складном стуле. Пристально глядел на свои кулаки и делал вид, что разговаривает с ними. Притворяясь сумасшедшим, он всегда общался со своими руками.

Хитрюга Лу Пардоне сидел рядом, положив ладони на стол. Находились они в комнате для свиданий, небольшом закутке рядом с палатой, где содержался Сол, предназначенной для невменяемых преступников. В отличие от обычных тюрем пристального наблюдения во время свиданий здесь не велось, поскольку осужденных среди обитателей сумасшедшего дома нет. Однако стены комнаты сделаны из толстого небьющегося стекла с тонкой проволочной сеткой внутри, и охранники могут все видеть.

Сол наморщил лоб и хмуρο поглядел на свою левую длань:

– Так ты выяснил, кому заказано убить меня?

Хитрюга Лу развел руками и покачал головой. Взъерошенный, криворотый, с бельмом на глазу, он был вторым после Сола человеком в прежней команде, преданным, как брат. И команду нужно было передать ему, а не этому подлизе Фрэнку Бартоло.

– Сол, это держат в большом секрете. Я расспрашивал, но никто ничего не знает. Должно быть, кому-то, ни разу не бравшемуся за такие дела.

Приподняв одну бровь, Сол стал изучать костяшки правой руки:

– Не пащенку ли Бартоло?

Глаза Лу широко раскрылись.

– Смеешься? Думаешь, этот чурбан сможет проникнуть сюда и сделать дело? Ты засечешь его за милоу.

– Хммм. Пожалуй. А как Джой д'Амико? Он может вызваться добровольно.

– Д'Амико не сумеет застрелить даже себя. Ты знаешь, что о нем говорят. Он не осилил боевого крещения. Нанял какого-то парня совершить это убийство, чтобы самому пролезть в семью. Не думаю, чтобы ему доверили этот заказ.

– Пожалуй.

Сол бросил взгляд в палату за прозрачной стеной. Сумасшедшие расхаживали в халатах и мятых джинсах. Высоко на стене, куда никто не мог дотянуться, находился большой телевизор. Он был включен, но его никто не смотрел. Один охранник, развалясь на складном стуле, читал газету у входа в палату, другой, стоя у двери комнаты свиданий, приглядывал за Солом и Хитрюгой Лу.

Лу опять вскинул руки:

– Сол, я ничего не могу понять. Либо они наняли кого-то неизвестного, либо отменили приговор.

Иммордино растопырил пальцы и стал пристально их рассматривать:

– Приговор не отменили.

Сомнений в этом у него не было.

Сол поглядел на девятерых обитателей палаты и подумал, не симулирует ли кто из них, чтобы избежать суда, как он сам. Но если и да, этот человек ни за что себя не выдаст. В том-то и дело. Чтобы тебя признали невменяемым, нужно вести себя, как псих. И притом постоянно; если врач, охранник или кто еще увидит, что ты ведешь себя осмысленно, тебя выставят отсюда и потащат в суд. Поэтому Сол был вынужден притворяться. Но что, если кто-то из них притворяется тоже? Что, если кто-то из них нормален, а Бартоло и Джуси связались с ним и поручили убить своего старого друга Иммордино? Им тогда не нужно беспокоиться, как убийце проникнуть в палату. Сол попытался вспомнить, к кому приходили в последнее время

посетители, один из которых мог оказаться курьером Джуси и Бартоло. Пристально оглядел пустые, бледные лица. Зная, что ты приговорен к смерти, нельзя быть слишком осторожным.

На экране телевизора Фил Донахью о чем-то беседовал с группой пожилых женщин. Значит, уже пятый час. Чарльзу пора быть здесь. Сол подавил усмешку. Ему не терпелось узнать у него подробности.

Он снова глянул на Лу:

– А что говорят об убийстве Мистретты?

Хитрюга Лу вскинул брови и закатил глаза:

– Бесятся. Тело старика все еще находится в полиции, фараоны говорят, что на вскрытие и получение результатов уйдет не меньше двух недель. Миссис Мистретта в истерике. Подумать только, бедной женщине придется ждать столько времени, чтобы похоронить мужа. Кошмар.

– Мое имя упоминалось?

– Я не слышал, но меня бы это не удивило. Все знают, как ты относился к Мистретте.

Сол искоса посмотрел на большой палец.

– Что ж, хоть одна из моих проблем решена. – Поднял указательный палец и покосился на него. – Одного уже нет, нужно убрать еще троих.

Хитрюга Лу пробормотал уголком рта:

– Джуси, Фрэнк Бартоло, а кто третий?

Сол приподнял средний палец:

– Этот фэбээровец, Тоцци. Гнусный фараон.

Увидев в стекле отражение своего искаженного гневом лица, Сол поспешил расслабиться, пока не заметил охранник. При мысли о Тоцци он приходил в бешенство. Черт бы побрал этого типа. До его появления все шло отлично. В прежние времена Сол прикидывался психом, получившим на ринге черепную травму, и уходил от обвинений в убийстве. Избегал тюрьмы таким образом двадцать лет. Но когда появился Тоцци, он выследил Сола с телохранителем в Атлантик-Сити. И увидел, что Сол ведет себя нормально. Вот и пришлось укрываться в этой психушке, чтобы не попасть на скамью подсудимых. Ему грозило обвинение в убийстве, и судья сказал, что вынужден поместить его в этот сумасшедший дом, к настоящим психам. Хитрюга Лу огляделся по сторонам, потом заговорил:

– Сол, ты действительно хочешь убрать Тоцци? Иммордино чуть заметно усмехнулся:

– Возможно, его уже убрали.

На лице Хитрюги появилась кривая улыбка.

– Значит, можешь выйти отсюда?

– Могу.

– Отлично.

Сол поглядел в здоровый глаз Лу и прикусил щеки изнутри, чтобы скрыть радость. Обвинение располагало против него лишь свидетельством Тоцци, только он видел, что Иммордино вел себя нормально. Не будет этого фэбээровца – не будет и показаний, не будет и дела. Тогда можно уйти из психушки под опеку сестры и стать вольной птицей. Может, даже послезавтра. Нужно только услышать от Чарльза, что дело сделано. Сол вновь оглядел палату. Где же, черт возьми?..

По телевизору уже шли рекламные передачи. Сол ослабил челюсть и придал лицу бессмысленное выражение на тот случай, если кто-то наблюдает за ним с другого конца палаты через прозрачное с той стороны зеркало. Звук не было слышно, но Сол видел, что идет реклама оздоровительного центра и блондинка с длинными кудрями трясет своим бюстом. Как ее прозвали? Да, Мисс Накачивайся. Сол уставился на ее груди. Порядок, малышка. Послезавтра можешь понакачиваться со мной.

Глядя на красную майку девицы, Сол вспомнил, как ночью на прошлой неделе они вытаскивали из подвала Мистретту и Джерри, как Мистретта оставлял на полу длинный кровавый след, когда Чарльз тащил его, взявшись за ноги, будто за оглобли. Этот старый осел, вечная палка в колесе, окровавил весь подвал. Потом целый час пришлось наводить чистоту под непрерывное талдычанье Эмерика: «Это нехорошо, это нехорошо». Даже после смерти Мистретта оставался палкой в колесе. Но теперь его нет, и Тоцци тоже. Убрать еще двоих, и путь наверх будет расчищен.

Обнаружив, что улыбается, Сол тут же согнал с лица улыбку.

– Я хотел кое-что спросить у тебя, – негромко произнес Хитрюга Лу. – Когда станешь доном, будет все так, как в тот раз, когда ты заменял Мистретту, пока он пропадал в Льюисберге? Джип и Джимми Т. просили задать тебе этот вопрос.

Сол поглядел в здоровый глаз Хитрюге и чуть заметно потряс головой.

Лицо у того вытянулось.

– Нет. Теперь все будет еще лучше.

Кривая улыбка Лу потянулась к уху.

– Ребята обрадуются, Сол. *Очень* обрадуются.

Солу припомнились дни, когда Мистретта оставлял его на замещение. Между ними тогда начались нелады, старику не нравилось, как он ведет дела. Старый осел решил, что Сола слишком заносит. Мистретта держался старых методов, того, что ему понятно: проституции, грабежей, наркотиков, азартных игр, связи с профсоюзами, ростовщичество. Пока его не было, Сол подыскал для семьи новые источники доходов: налог с бензоколонок, страхование, контракты на школьные автобусы, удаление старого асбеста, вымогательство. Этих дел Мистретта не понимал и относился к ним с недоверием. Говорил, что они ненадежны. Старый осел жил устаревшими представлениями; семьей он правил, как диктатор. Останься Сол доном, семья заколачивала бы деньги, *настоящие*, а не ту мелочь, какую имеет сейчас на шлюхах и тотализаторах. Ладно, это уйдет в прошлое. Сол готов привести семью опять к процветанию. Нужно только выйти отсюда и убрать этих двух скотов. Хитрюга Лу почесал взлохмаченную шевелюру:

– Знаешь, Сол, мне пришла в голову одна мысль. Может, пока приговор не отменен, тебе безопаснее находиться здесь? На воле им убрать тебя будет легче.

Сол сжал кулаки и стал боксировать с тенью.

– Теоретически – да. Но когда я разделаюсь с Джусти и Бартоло, этой проблемы уже не будет.

– Почему?

– Пошел бы ты на убийство, если людей, нанявших тебя, уже нет и расплачиваться с тобой некому? Подумай.

Лу просиял:

– Да... ты прав.

Сол продолжал молотить кулаками по воздуху.

– А как Бартоло обходится с ребятами?

Лу скорчил неприязненную гримасу.

– Знаешь, что он выкинул? Помнишь того доминиканца, Рауля, с которым постоянно работал Джип, торговца краденым из Бронкса?

– Да, помню.

– Бартоло велел Джипу, да и всем нам, не иметь с ним дела.

– Почему?

– Не любит латиноамериканцев, вот почему.

– Идиот.

– Я знаю, что он идиот. А у Рауля ребенок болен лейкемией. Ему очень нужны деньги, и Джип сказал об этом. Но Фрэнк и слушать не хочет. Знай твердит свое – никаких дел с латиноамериканцами, ни за какие деньги. Представляешь?

Сол потряс головой. Он считал, что окажет услугу семье, убрав этого лысого, толсто-задного ублюдка. Фрэнк Бартоло всегда был ничтожеством, прихлебателем, он за всю жизнь не принес семье ни цента. Зато умел подольститься к Мистретте, гнусный подлиза. *Сейчас, мистер Мистретта. Будет сделано, мистер Мистретта. Не беспокойтесь, мистер Мистретта. Как вам будет угодно, мистер Мистретта.* И в конце концов добился своего. Получил в свое распоряжение команду, и не какую-то, а отличную, команду Сола. Все эти ребята хорошие добытчики. И никто из них не хотел работать с Бартоло, только что они могли поделаться? Жаловаться старику? Бесполезно. Понятно, почему они каждый вечер молятся, чтобы Сол вернулся. И в других командах есть ребята, желающие, чтобы Сол снова стал доном. Он и Хитрюга Лу считали, что по меньшей мере на половину семьи положиться можно. И, на взгляд Сола, это лучшая половина.

Сол крепко сжал кулаки, стиснул зубы и продолжал наносить удары по воздуху. Другая половина принадлежит этому гнусному бабнику, Джуси Вакарини, любимому капо Мистретты, которого старик избрал своим преемником. Но этот тип ничего знать не хочет, кроме девок. Девки, девки, девки. Да, на своих шлюхах он имеет хорошие деньги, но это и все. А как делать другие дела, он бы не понял, даже если бы ему разжевали. Получает постоянный доход, но в оборот его не пускает. Понятия не имеет, как это делается. А Мистретта восхищался им. Джуси был у него любимчиком. Надо отдать Вакарини должное, хоть он со своими глазами, как у Элвиса Пресли, и нелепыми шелковыми рубашками кажется сущим болваном, в проницательности этому сукину сыну не откажешь. Только напрасно Джуси считает, что он наверняка станет новым доном. Ему даже невдомек, как сильна конкуренция.

Иммордино нанес по воздуху сильный удар наотмашь.

– Сол, чего этот тип пялится сюда? – Хитрюга Лу кивком указал на стеклянную дверь. За ней с каменным лицом стоял Чарльз Тейт в сером мундире охранника, дожидаясь, когда его заметят. Другой охранник, сидевший у двери, давно ушел. – Он что, спятил, этот негритос?

Сол прикрыл ладонью рот и усмехнулся. Он никогда не думал о Чарльзе как о негритосе, черномазом. Кожа у него не столь уж темная. Мнит себя крутым парнем. Старается подражать главарям мафии из кинофильмов, хотя является, в сущности, комическим персонажем. У Сола он вызывал смех. Черный мафиози. Хочет войти в семью. Глупый негритос. Небось думает, что, убрав Тоцци, прошел боевое крещение и станет почетным членом мафии. Ну, этого ему не дожидаться.

Сол вновь сел, сторбился, уставился на свои руки и обратился к Лу:

– Теперь иди. Мне нужно поговорить с этим парнем. Если захочешь узнать, когда я выйду, позвони моей сестре. А сюда пока не приезжай. За мной будут следить фэбээровцы.

– Как скажешь, Сол.

Хитрюга Лу поднялся и направился к двери.

Сол принялся сравнивать свои большие пальцы.

– И постарайся узнать, кто исполнитель приговора. Неплохо бы позаботиться о нем на тот случай, если мне не удастся быстро убрать Вакарини. Понимаешь?

– Понимаю. – Физиономия Лу внезапно посерьезнела. Он стоял, будто громадная игуана с взъерошенной головой. Сол не знал, какой его глаз обращен к нему. – Будь поосторожней, Сол, ладно? Многие ребята полагаются на тебя.

– Не беспокойся. Со мной ничего не случится.

Громадная игуана кивнула и вышла. Чарльз провожал ее взглядом, пока она не скрылась, потом распахнул дверь и вошел.

Сол бросил взгляд на прозрачное с внешней стороны зеркало в другом конце палаты.

– Там никто не подсматривает, – сказал Чарльз. – Я только что проверял.

Он придвинул стул и поставил на него ногу. Сол раскачивался взад-вперед, глядя прямо перед собой, на тот случай, если кто-то за ним наблюдает.

– Ну так что? Рассказывай.

Он сгорбился, зажмурился, скрипнул зубами и усмехнулся. Ему не терпелось услышать подробности.

Однако негритос молчал. Сол повернул голову и взглянул на него. Вид у Чарльза был виноватый.

– Плохо дело, Сол. Мне помешали. Я, кажется, не убил его.

Внутри у Сола что-то оборвалось. В глазах помутилось. Он надеялся услышать совсем не это.

– Что значит «кажется»?

– Вроде бы я один раз попал в него. Точно не знаю, но, по всей видимости, он остался в живых.

Кулаки Сола сжались. Ему хотелось врезать этому сукину сыну прямо по губам. Зря он согласился доверить Чарльзу такое, дело. Сол вновь оглянулся на зеркало и нагнулся над своими кулаками, торопливо бормоча что-то из предосторожности.

– Сол, моей вины тут нет. Ты не поверишь, но меня отвлекли. И если я скажу кто, тоже не поверишь.

Иммордино сверкнул на него взглядом исподлобья.

– Кончай свои выдумки, Чарльз. Без них тошно.

– Сол, клянусь Богом, это не выдумка. Девка из той телерекламы, Мисс Накачивайся. Должно быть, она любовница Тоцци. Появилась черт знает откуда со своими телесами, я и отвлекся.

Костяшки на суставах Сола побелели. Он бросил еще один взгляд на зеркало. Со лба его капал на брюки пот. Руки чесались от желания вышибить дух из этого лживого ублюдка.

– Правда, Сол. Я уже приготовился кончать его, но тут появилась она, позвала Тоцци, я поднял на нее взгляд, а Тоцци схватил мою руку с пистолетом.

Грудь Иммордино пронзила боль.

– Он что, отнял у тебя пистолет?

– Нет-нет, об этом не волнуйся. Пистолет у меня дома. Он его не получил.

Сол опустил взгляд к влажным пятнышкам на коленях. Верилось ему в это с трудом. Тоцци оказался замороженным. А кто тогда эта Мисс Накачивайся? Его волшебница-крестная?

Он вытер лоб рукавом.

– Это все вранье, Чарльз. Ты даже не пытался. Мисс Накачивайся, так я тебе и поверил. Ее не было там.

– Клянусь Богом, Сол, была. И если б не она, Тоцци уже был бы покойником.

Сол скрипнул зубами и нахмурился, грудь его тяжело вздымалась.

– А Эмерик? Где он?

– Донни? Тоже дома. Не беспокойся. С ним все в порядке.

– Кончай успокаивать меня. Ты напортачил. Мне теперь есть о чем беспокоиться.

– Нет, Сол, нет. Я сам все сделаю. Найду Тоцци и на сей раз прикончу. Даю слово.

– Эмерик оставил какие-нибудь следы?

Чарльз потряс головой:

– Не успел. Все случилось быстро.

– Черт, – буркнул Иммордино, глядя на свои руки.

– Послушай, Сол, я понимаю, ты и так расстроен, но у меня есть еще проблема. Знаешь, держать Донни у себя очень трудно. Он бродит по всему дому. Эти пилюли успокаивают его ненадолго.

– Ну так удвой дозу.

– Нельзя. А вдруг он умрет?

– Говори толком, в чем дело?

– Боюсь, что, пока я здесь, на работе, он может удрать из дома. Будь у меня деньги, я мог бы кого-то нанять, чтобы приходили, давали Донни пилюли и укладывали в постель. Но для этого, Сол, нужна наличность.

– Чарльз, я тебе сразу сказал – деньги в конце. Когда я выйду отсюда, то расплачусь с тобой.

Лицо Чарльза окаменело. Он, сощурился, смотрел на Сола, словно зная, что это ложь.

– Слушай, Чарльз, выходить отсюда мне нельзя, пока Тоцци жив. Вот так. До тех пор я ничем не могу тебе помочь.

– Сол, я обещал тебе, что найду его и прикончу. Но деньги мне нужны сейчас.

Иммордино ощутил острую боль в желудке. Упускать Эмерика нельзя. Черт возьми, от этого маленького психа зависит все. Буквально все. Сол уставился на свои ляжки и покачал головой.

– Что это значит, Сол? Сол? Ты слушаешь?

Иммордино пробормотал в каком-то трансе:

– Ты уже напортачил один раз. Хватит. Больше ничего делать не будешь. Я сделаю все сам.

– Не говори ерунды. Я больше не смогу вывести тебя отсюда.

Чарльз сморщил лицо, словно от боли.

– Один раз ты меня выводил. И выведешь снова.

– Больше нельзя. С исчезновением Донни здесь все насторожились. Если тебя хватятся, поднимется черт знает что.

– Слушай! Ты хочешь получить деньги или нет? Хочешь купить хорошие шмотки, «линкольн» и все, о чем мне говорил? Хочешь работать на меня? Тогда выведи отсюда, чтобы я убрал кого нужно. Ты не годишься для таких дел, Чарльз. Уразумей это. А я не могу больше допускать неудач. Тоцци надо убрать срочно.

Сол подумал о своем приговоре. Здесь он будет легкой мишенью, если Хитрюга Ду прав и нанят никому не известный исполнитель. Надо убрать Тоцци и выходить как можно скорее.

– Да, но, Сол, ты действительно считаешь...

– Никаких «да, но», Чарльз. Тот охранник, что все время смотрит внизу видео, и тот, что работает в ночную смену в этой палате, – твои друзья?

– Да, Бакстер и Рамон.

– Они самые. Ты говорил, у них есть кой-какие привычки. Значит, им нужны деньги на кокаин, так?

– Да, но...

– Я ничего не хочу слушать, Чарльз.

Сидя на стуле, Сол поставил ноги на сиденье и вытащил из-под майки медальон с изображением святого Антония. Оглянулся на зеркало, потом отвернулся от него и открыл медальон ногтем большого пальца. Прижав подбородок к груди, чтобы лучше видеть, выковырял пальцем из медальона мелко сложенный банкнот. Развернул его и разгладил на ляжке.

Чарльз вытаращил глаза и по-обезьяньи заулыбался. Сол был уверен, что негритос никогда еще не видел денег с портретом Гровера Кливленда¹.

Перегнув тысячедолларовый банкнот пополам, Сол держал его у самой груди.

– Возьми эти деньги и купи своим друзьям хорошего зелья. Давай понемногу, чтобы были сговорчивыми. Слышишь, Чарльз?

¹ Кливленд Гровер – 22-й и 24-й президент США.

Негритос закивал, улыбаясь во весь рот. Рука его поползла по колену Сола к деньгам. Пальцы напоминали ножки тарантула.

– Не волнуйся, Сол. Теперь я все сделаю. Как профессионал. Чтобы не возвращать деньги. Тоцци даже не поймет, отчего умер.

Тарантул вцепился в угол банкнота, но Сол его не выпустил.

– Ты не слушаешь меня, Чарльз. Я сказал, что не стану тебе этого поручать. Сделаю все сам. Тоцци очень хитер.

– Не бери в голову. Предоставь это мне. А сам побудь здесь на случай внезапной проверки или еще чего. Если обнаружат, что ты уходил в ту ночь, когда погиб Тоцци, тебя могут обвинить в убийстве. Не волнуйся и доверь все мне.

Тарантул потянул деньги к себе.

Сол глянул в улыбающуюся обезьянью рожу и разжал пальцы.

Но едва Чарльз завладел деньгами, Сол потянулся к паху негритоса и схватил за самое чувствительное место. Он хотел быть уверенным, что этот человек его слушает.

– Теперь отвечай, Чарльз, что ты сделаешь с этой тысячей?

– Не переживай, Сол, – хрипло ответил тот высоким голосом. – Я все...

Сол сжал пальцы крепче.

Чарльз зажмурился и застонал.

– Твои друзья уже выпустили нас с Эмериком. Значит, могут сделать это снова. Ты выведешь меня, когда я сделаю все, что нужно, привезешь обратно, пока никто не хватился. Как в деле с Мистреттой. Идет? Поняли мы друг друга?

Сол не ослабил хватки. Он чувствовал, как пульс Чарльза бьется под его пальцами. И у Сола сердце билось так же сильно.

Лицо Чарльза застыло в болезненной гримасе, глаза были крепко зажмурены.

– Ладно, Сол, ладно. Раз ты так хочешь.

– Я так хочу.

Сол разжал пальцы. Он видел, что Чарльз хочет согнуться пополам, но сдерживается. Не желает показывать, как ему больно.

Опустив взгляд, Сол увидел, что банкнот лежит на полу возле его ступни. Негритос, очевидно, выронил его.

– Может, поднимешь деньги, Чарльз? Тебе станет полегче.

Чарльз присел на корточки и застонал.

Сол, расслабив лицо, снова обернулся к зеркалу. Вытер пот со лба и несколько раз глубоко вздохнул. Проклятый Тоцци. Вряд ли он заговоренный. Если удалось убить дону, то прикончить этого глупого фэбээровца будет нетрудно. Нужен только опытный стрелок.

Он распрямился и, покачав головой, взглянул на свои кулаки. Будет нетрудно. Опыт у него изрядный.

Сол сидел, не сводя взгляда с кулаков, и сердцебиение стало потихоньку выравниваться.

Глава 4

Гиббонс откинулся на спинку синего винилового кресла и принялся разминать суставы пальцев, пока его супруга Лоррейн донимала своего двоюродного брата Тоцци, выговаривая за то, что он, не одетый, скачет по больничной палате на одной ноге. Они подняли жуткий шум, сосед Тоцци по палате, болезненного вида человек, надел халат, шлепанцы и поехал на кресле-каталке в комнату отдыха, чтобы не мешать им. Тоцци пытался собрать свои вещи и одеться, но Лоррейн хотела *помочь* ему, а он не желал помощи. Гиббонс его понимал. Чувство собственного достоинства у женщин проявляется иначе, чем у мужчин. О чем говорят женщины, когда соберутся? О своих ваннах, о чувствах, о белье. Мужчины разговаривают о спорте.

Гиббонс выглянул в окно, на шумный перекресток Гринвич-стрит и Седьмой авеню. Хорошо, что больница Святого Винсента расположена здесь. Перекресток считается одним из самых опасных в городе, люди тут гибнут постоянно. Подумал о человеке, пытавшемся убить Тоцци, и задался вопросом, действительно ли он грабитель. Может, кто-то подослал его совершить убийство. Может, тот, кто его подослал, хочет и смерти Гиббонса. В конце концов, они партнеры. Гиббонс потерял себя за нос и нахмурился.

Лоррейн все еще гонялась по всей палате за Тоцци, кудахча, будто квочка. Ее длинные темные волосы спадали на плечи, и всякий раз, когда она проходила мимо окна, солнечный свет выхватывал в их массе серебристые нити. Она так беспокоилась о своем брате, что не потрудилась собрать волосы в узел на затылке. Торопливо натянула блузку и юбку, провела щеткой по волосам и потащила за собой Гиббонса. Выглядела она терпимо. Несколько взбалмошная, но суровая.

Тоцци оставили в больнице на всю ночь для обследования, хоть он и утверждал, что ранен в ногу легко. Утром его выписывали, и Лоррейн заявила мужу, что они заберут ее брата домой, имея в виду *их* дом. Гиббонс терпеть не мог гостей, даже когда хорошо относился к ним, но на этот раз не возражал. Если кто-то пытался убить Тоцци, ему лучше пока не возвращаться в свою холостяцкую квартиру. Однако мысль о пребывании Тоцци у них не радовала Гиббонса. Этот раздражительный сукин сын всех сведет с ума. Он не мог дожидаться, когда Лоррейн объявит братцу, что они забирают его к себе. С Тоцци случится припадок.

Выведенная из себя Лоррейн стояла посреди палаты, уперев руки в бедра.

– Майкл, перестань наконец скакать на одной ноге и возьми костыли!

– Ничего, Лоррейн, ничего.

Тоцци держал костыли одной рукой и прыгал на здоровой ноге, пытаясь собрать свои вещи. Он уже сводил сестру с ума. А что будет, когда он поживет немного в их квартире?

Гиббонс закрыл глаза и наклонил голову сперва к одному плечу, потом к другому, прислушиваясь, не раздастся ли слева знакомое похрустывание. В том, что Тоцци будет жить у них, имелся один плюс. Лоррейн будет кому еще пилить шею.

– Майкл! Сядь, пожалуйста, и позволь помочь тебе!

Гиббонс поморщился. Таким голосом только стекла резать. Тоцци продолжал скакать по палате, как идиот.

– Ничего, Лоррейн. Я не так уж плох. Управлюсь сам.

Он подскакал к другому креслу, плюхнулся в него и принялся надевать носки. Левый натянул без помех, но когда взялся за правый, по лицу стало видно, что ему нелегко.

– Давай я.

Лоррейн потянулась к носку, но Тоцци его отдернул:

– Сказал же, что управлюсь сам.

И заскрипел зубами.

– Не справишься. Дай его сюда.

Тоцци помахивал носком над головой, куда сестре было не дотянуться.

– Он грязный, Лоррейн. В этих носках я был вчера вечером.

– Дай его сюда и перестань дурить. Я же вижу, что тебе больно сгибать ногу. Давай помогу.

– Лоррейн, я не беспомощен. Надену сам.

Она вскипела:

– Ты не беспомощен, ты безнадежен. Гиббонс, скажи ему, чтобы он вел себя разумно.

Может, хоть тебя послушает.

Тоцци удалось натянуть носок на пальцы, однако натягивать его на пятку было очень мучительно. Лицо его покраснело, он закусил губу. Лоррейн тоже кусала губы. Гиббонс не понимал, чего она так горячится. Если человеку хочется изобразить из себя дурака, то и пусть себе. Ему же хуже. Разумеется, Гиббонсу не хотелось, чтобы кто-то надевал ему носки. К черту. Он бы просто сунул босые ноги в туфли, а носки спрятал в карман.

– Майкл, можно задать тебе вопрос? – В голосе Лоррейн появилась умиротворяющая нотка.

– Конечно. Спрашивай.

Гиббонс стал разглядывать свои ногти. Он догадывался, к чему клонится дело.

– Сегодня утром я разговаривала с твоей матерью. Она хочет знать, бросишь ли ты айкидо.

Тоцци чуть опустил голову и поглядел на сестру исподлобья, словно гремучая змея, готовая ужалить.

– Нет, Лоррейн. Айкидо я не брошу. А мать пусть не вмешивается...

– Майкл, но ведь она беспокоится о тебе. Не хочет, чтобы ты совершил какую-нибудь глупость и остался калекой.

Тоцци указал на бедро:

– Лоррейн, это случилось не на тренировке. В меня на улице стрелял грабитель.

– Но ведь айкидо не помогло тебе справиться с ним, не так ли?

Гиббонс наморщил лоб, стараясь не расхохотаться. Она не знает жалости. Однако в чем-то его жена права.

Тоцци побагровел от гнева, но, как ни странно, промолчал. Очевидно, последовал первой заповеди боевых искусств: избегай схваток. Или же не нашел, что ответить.

Затем Тоцци пустил в ход разумную тактику. Не отвечая на заданный Лоррейн вопрос, он стал отвечать на тот, который хотел бы услышать:

– Сколько раз я тебе говорил, Лоррейн, это рана в мякоть. Пуля прошла навывлет, не задев кости. Я снова буду на ногах недели через полторы, а то и раньше.

Лоррейн придала лицу скорбное выражение: одно из фирменных итальянских блюд, предназначенных для лежащих в больницах. А болезнь – итальянский деликатес. Собственно говоря, сообщения о больных и умирающих были у старших членов клана Тоцци ежедневной сводкой новостей, а мать Майкла являлась главным ее редактором.

– Майкл, нам всем известно твое упрямство. Мы с твоей матерью боимся, что ты не дашь ране затянуться как следует. Взгляни на себя. Ты постоянно бередишь ее. Имей в виду, в твоём возрасте раны заживают не так уж быстро.

Гиббонс закатил глаза к потолку. О Господи.

– Что значит – в моем возрасте? Мне тридцать девять. Это что? Старость, по-твоему?

– Через две недели, Майкл, тебе исполнится сорок. Пойми, ты уже не мальчик. А занятия боевыми искусствами – для молодых людей.

– Лоррейн, ты ведешь речь о том, чего не знаешь. Ты понятия не имеешь об айкидо.

– Пусть я не имею понятия об айкидо, но зато знаю тебя. Тебе до смерти хочется выдержать экзамен на получение черного пояса, ты готов пойти на любой риск. В том числе и остаться хромым. Господи, Майкл, ты никому ничего не докажешь.

– Лоррейн, я начинаю выходить из себя. Знаешь почему? Потому что тебе с моей матерью место в сумасшедшем доме. Ты, наверно, считаешь меня дураком. Думаешь, я собираюсь кому-то что-то доказывать? Я оперативник, черт побери. Меня пытались застрелить, заколоть, избить ногами, дубинкой, кулаками, рукояткой пистолета. Задавить машиной. Однажды какой-то псих в восточном Гарлеме хотел зарубить меня топором. Еще один тип попер с циркулярной пилой. Мне приходилось даже защищаться от сторожевых собак. И не один раз, а *трижды*. Так что мне ничего доказывать не надо. Я все уже доказал, сотни раз. Айкидо дает мне нечто совсем другое. Но, видимо, ни матери, ни тебе этого не объяснишь.

Лоррейн умоляюще сложила руки:

– Сделай попытку.

Ноздри Тоцци раздулись.

– Начнем с того, что айкидо дает мне покой. А ты сейчас действуешь наоборот.

– Ну извини, Майкл. Может, арестуешь меня за нарушение твоего покоя?

Голос Лоррейн взлетел до цыплячьего писка.

Гиббонс решил, что это становится скучным, и принялся ковырять в ухе.

– Не помешаю?

Гиббонс повернулся к двери. На пороге стоял Brent Иверс, помощник директора Манхэттенского отдела ФБР. Начальник явился проведать раненого подчиненного. Гиббонс выпрямился. Такие поступки принято считать проявлением трогательного внимания.

Массивная фигура Иверса почти полностью закрывала дверной проем. Массивными у него были и плечи, и голова, и нижняя челюсть. На висках изящно серебрилась седина, Гиббонсу казалось, он навел ее в салоне мужской красоты где-нибудь на окраине. Видимо, считая, что так он выглядит внушительнее, что седина производит впечатление ума и силы. Гиббонс находил в нем сходство с металлической фигуркой на капоте старого автомобиля – такой же серебристый и чопорный.

Иверс кивнул Лоррейн и Гиббонсу, потом властно уставился на Тоцци, с босой ступни которого свисал носок, будто колпак гнома.

– Как себя чувствуешь, Тоцци?

В вопросе его слышалось обвинение.

Тоцци сдернул носок и осторожно положил на пол.

– Отлично. Нога еще слегка болит и двигается плоховато, но оставаться здесь незачем. Повалюсь пару дней дома на кушетке и буду вполне работоспособен.

Лоррейн метнула на него убийственный взгляд, но давать волю языку в присутствии Иверса не стала.

– Я разговаривал с твоим врачом, – сказал Иверс. – Он считает твою рану более серьезной.

Лоррейн просияла. Она приберегала этот довод до той минуты, когда брат заявит, что не желает отлеживаться в их квартире.

Иверс заговорил с суровой распорядительностью:

– Врач полагает, что несколько дней для поправки будет мало. Я сказал – это не проблема. Даю тебе месячный отпуск по состоянию здоровья. Нужно будет – продлю. Только используй это время для отдыха. Ясно?

Гиббонс увидел, как на челюстях Тоцци заиграли желваки. И на челюстях Иверса. Эти люди, мягко говоря, смотрели на некоторые вещи по-разному.

Тоцци считал Иверса бумажной душой и подхалимом, больше всего думающим о собственной внешности и карьере. Здесь он был прав, но Иверс, кроме того, являлся его начальником, и подчиненным требовалось с этим считаться. Эту истину Тоцци никак не мог усвоить.

Иверс считал Тоцци несдержанным, недисциплинированным агентом, сущим наказанием для Бюро. И тоже был прав. Но только Тоцци имел отвратительную привычку добиваться результатов, и это мешало Иверсу сделать то, что ему больше всего хотелось – уволить Тоцци.

Трение между этими людьми можно было сравнить с трением песчинки под створками моллюска. Раздражение нередко приводит к появлению жемчужины.

Если дать им волю, эти двое могли препираться до бесконечности, и Гиббонс решил вмешаться, пока они не вышли за рамки приличий:

– Полицейские разузнали что-нибудь о том грабителе?

Иверс сжал губы и покачал головой:

– Они обещали прислать мне рапорт, но сообщать, похоже, нечего. Эксперты произведут анализ пули, только не знаю, чего они этим добьются.

– Очевидно, не многого.

Замечание Гиббонса Иверс пропустил мимо ушей. Он ни в грош не ставил чужие мнения.

– Сыщики, которым поручено это дело, хотят поговорить с тобой, Тоцци. Они исходят из версии, что это не заурядное ограбление, и хотят узнать, есть ли у тебя какие-то враги.

Гиббонс и Тоцци дружно фыркнули.

Лоррейн нахмурилась.

Иверс уставился на них из-под густых бровей:

– Я сказал что-то не то?

Тоцци глянул на Гиббонса:

– Гиб, есть у нас враги?

– Только если считать всех деловых и приспешников в пяти семьях мафии. Сколько это будет? Полторы-две тысячи человек. Всего-навсего.

– Да, всего-навсего.

Лоррейн была близка к обмороку.

Иверс откашлялся, словно директор школы, призывающий к вниманию непослушных учеников.

– А нет ли конкретных подозреваемых? Сыщикам потребуются фамилии.

Тоцци поднял глаза к потолку:

– Тоже мне вопрос! С кого начать? Ладно... Ричи Варга, Джуси Вакарини, Сол Иммордино, Эмилио Зучетти, Жюль Коллесано, Фил Дживинаццо... – Тоцци загибал палец за пальцем. – Черт возьми, меня ненавидят все.

– Не говори об этом с такой гордостью.

Иверс сложил руки на груди. В солнечном свете засверкал камень на йельском студенческом перстне.

Гиббонс оперся подбородком на руки и мысленно перебрал всех из приведенного краткого перечня. Каждый из этих людей имел основания желать Тоцци смерти. Ему тоже.

– Мистер Иверс? – послышался из коридора женский голос.

Иверс посторонился, вошла щегольски одетая негритянка – в очках, синем костюме, жемчужно-серой шелковой блузке, с черной кожаной сумочкой через плечо. На взгляд Гиббонса, не моложе тридцати трех лет и не старше сорока пяти, симпатичная, похожая на администраторшу. Волосы ее были зачесаны назад и подстрижены на уровне шеи, их пышность сдерживал черепеховый обруч. Очки модные, но не чрезмерно, линзы крепились на широкой, закрывающей брови поперечине. Гиббонсу стало любопытно, почему в субботу она одета по-деловому.

– Мадлен Каммингс, – представилась она и протянула руку Иверсу. – Мне сказали, что я найду вас здесь.

Иверс обменялся с ней рукопожатием.

– Я не ждал вас до понедельника. Добро пожаловать в Нью-Йорк, агент Каммингс.

Гиббонс приподнял брови:

– *Агент* Каммингс?

– Я предпочитаю обращение *доктор* Каммингс, сэр.

Иверс кивнул:

– Хорошо.

И неожиданно улыбнулся. Когда его поправляли подчиненные, он обычно относился к этому пренебрежительно.

– Я приехала вчера вечером, – сказала негритянка. – И решила не терять выходные, а ознакомиться со своим новым заданием.

Иверс опять кивнул и улыбнулся, гордясь новой ученицей в классе. Гиббонсу казалось, она вот-вот достанет из сумочки яблоко и положит ему на стол.

– Вы, должно быть, агент Тоцци, – обратилась Каммингс к Майклу. И перевела взгляд с его лица на босую ступню. – Я с сожалением узнала о том, что вы ранены.

Однако сожаления в ее голосе не слышалось. Иверс жестом представил ей остальных:

– Доктор Каммингс, это агент Катберт Гиббонс и Лоррейн Бернстейн.

Услышав свое имя, Гиббонс невольно стиснул челюсти. Он терпеть его не мог и не любил объяснять почему. Предпочитал, чтобы его называли просто Гиббонс, но решил не объявлять это доктору Каммингс. Видеться с ней, слава Богу, он будет редко, потому что на службе почти ни с кем не общается, кроме коллег из отдела по борьбе с организованной преступностью.

Каммингс обменялась с ним рукопожатием, потом протянула руку Лоррейн:

– Можно поинтересоваться, мисс Бернстейн, что привело вас сюда?

Ту ошарашила бесцеремонность вопроса.

– Пожалуйста... я жена Гиббонса и двоюродная сестра Майкла.

– Понятно. – Доктор Каммингс тут же повернулась к Иверсу, забыв о муже с женой.

– Кстати, – добавила Лоррейн, – я *профессор* Бернстейн.

Доктор Каммингс резко обернулась. Утвердительно кивнула и выдавила улыбочку.

– Доктор Каммингс – сотрудница нашего отдела поведенческих наук в Квантико, – объяснил Иверс. – Некоторое время она поработает с нами.

– И подвергнет анализу Тоцци? – спросил Гиббонс, оскалась в улыбке. – Я давно твержу, что ему пора проверить головку.

Тоцци бросил на него свирепый взгляд:

– Я никогда этого не слышал.

– Ты никогда никого не слушаешь.

– Собственно говоря, джентльмены, – сказала Каммингс, – моя специальность – психология отклонений типа маниакальной вспыльчивости.

Гиббонс издал смешок:

– Похоже на оценку последней выходки моего напарника.

Лоррейн бросила на него яростный взгляд. Это означало, что надо вести себя сдержаннее. Она не могла донимать Тоцци при посторонних и, видимо, решила приняться за мужа, так как с ним могла управляться без слов, одними взглядами и жестами. Это искусство развивается у жен само собой. Еще несколько лет – и она будет поедом есть Катберта уже без слов и без жестов, с помощью одной телепатии. Жаль, что Гиббонс любит ее так сильно. Любовь иногда может стать тяжким бременем.

– Доктор Каммингс приехала сюда по программе внутреннего обмена, организованной Бюро, – объявил Иверс. – Агенты, работающие в лабораториях или в кабинетах, будут набираться оперативного опыта, чтобы лучше понимать деятельность системы в целом. Доктор

Каммингс на полтора месяца станет оперативником, почувствует себя, так сказать, на передовой.

Иверс и Каммингс закивали и заулыбались, очевидно, довольные друг другом. Гиббонс кивнул, но без улыбки. Еще одна нелепая программа, изобретенная вашингтонским начальством. Отправить кабинетных работников на передовую, чтобы им было о чем трепаться на вечеринках в Джорджтауне². Вопиющая нелепость.

– Я хотел прикрепить доктора Каммингс к Робертсону и Келсо, – сообщил Иверс, – но поскольку Тоцци пробудет в отпуске по состоянию здоровья не меньше месяца, она, видимо, станет твоим партнером, Берт.

Лицо Гиббонса вытянулось.

– Что?

– Да. – Иверс кивнул, утверждая свое решение. – С точки зрения расстановки людей в этом есть смысл. Когда Тоцци будет готов приступить к исполнению служебных обязанностей, пребывание доктора Каммингс здесь подойдет к концу.

Гордый собой, Иверс провел ладонью по лацкану спортивного пиджака из верблюжьей шерсти. Самодовольный болван.

У Гиббонса заурчало в животе.

– Не думаю, что это слишком удачная мысль. Нельзя подключать к расследованию по делу мафии кого попало. Черт возьми, я сейчас занимаюсь только убийством Мистретты. И практиканты мне не нужны. У меня есть осведомители, которые мне доверяют. Увидев незнакомое лицо, они тут же замкнутся. Как я смогу сделать что-то, если она будет рядом?

Каммингс вздернула подбородок и сцепила руки за спиной.

– Агент Гиббонс, вы полагаете, я буду помехой в вашем расследовании, потому что я женщина или потому что я чернокожая?

Гиббонс оскалил зубы:

– Вы будете помехой, потому что понятия не имеете об оперативной работе.

Она поглядела в его ничего не выражающие глаза.

– Мой пол и цвет кожи здесь ни при чем?

Гиббонс твердо встретил ее взгляд.

– Еще как при чем. Мафиози не задумываясь пристрелит черную дамочку. Для этих людей ваша жизнь не ценнее кофейной гущи.

– Гиббонс!

Брови Лоррейн взлетели выше некуда. Вечно он нарушает политическую корректность.

– Я просто хочу обрисовать положение дел. Эти люди знают, кто я, знают, что с фэбэ-эровцем шутки плохи. Вас, Каммингс, они не знают. А эти жизнерадостные итальянцы не принимают гостей с распростертыми объятиями.

– Ну так вы можете меня представить. – Голос ее звучал весьма уверенно. – Узнав, что я из ФБР, они поймут, что и со мной шутки плохи.

Она держалась, будто студентка, впервые закурившая при родителях. Смотрите, мол, я уже взрослая.

– Берт, я ума не приложу, к кому еще можно прикрепить доктора Каммингс, – сказал Иверс. – Среди оперативников ты самый старший.

Гиббонс рассвирепел.

Тоцци посмеивался, положив босую ступню на колено. Гиббонс сверкнул на него взглядом. Болван. И все это по его вине. Не получи он рану, Иверсу и в голову не пришла бы подобная мысль.

² Джорджтаун – фешенебельный жилой район Вашингтона.

Гиббонсу хотелось заорать на кого-нибудь, но он решил добиться своего с помощью разумных доводов.

– Послушайте, док, не обижайтесь, но я не могу допустить, чтобы вы торчали у меня под боком, собирая данные, пока я пытаюсь выяснить, кто распорядился убрать Сабатини Мистретту. Это будет опасно для вас и безрезультатно для меня. Извините, я занимаюсь не игрой для интеллектуалов.

– Понятно.

Гиббонс сердито посмотрел на ее безмятежное лицо. Достаточно того, что он женат на интеллектуалке, на кой черт ему еще одна во время работы.

В палату вошла, толкая перед собой кресло-каталку, худощавая девушка-латиноамериканка.

– Я вернусь через пять минут, – предупредила она Тоцци. – Только найду медсестру с вашими документами о выписке.

Когда санитарка вышла, Тоцци, опершись на костыль, поднялся. Гиббонс обратил внимание, что туфлю он надел без носка.

Иверс подошел к Гиббонсу и сказал ему на ухо:

– Извини, Берт, но это распоряжение из Вашингтона. Я, право же, ничего не могу поделать. Потерпи несколько недель, что-нибудь придумаю.

Гиббонс закусил верхнюю губу. Он прекрасно знал, что придумает Иверс, – как всегда, ничего.

Каммингс смотрела, как Тоцци морщится и корчится, усаживаясь поудобнее в кресле-каталке.

– Агент Тоцци, можно задать вам вопрос?

– Конечно. Задавайте.

– Где вы будете завершать лечение?

– То есть куда я сейчас поеду?

– Да.

Тоцци пожал плечами:

– Домой. Куда же еще?

Она поглядела на Иверса:

– Вы полагаете, это разумно? На агента Тоцци напали с оружием. Возможно, хотели убить. Решительный человек будет преследовать свою цель до конца.

Иверс поднял брови:

– В этом есть смысл.

Лоррейн прикрыла ладонью рот:

– О Господи...

Тоцци потряс головой:

– Тот человек был просто грабителем. Никто не собирается меня убивать.

– Но вы же не знаете этого наверняка.

– Абсолютно уверенным нельзя быть ни в чем, но логически...

– Доктор Каммингс права, – перебил его Иверс. – На какое-то время я помещу тебе в квартиру охранника.

Негритянка поправила очки.

– Если у вас такая нехватка людей, то, может, не стоит превращать в обычного охранника кого-то из агентов. У меня есть другое предложение.

– Какое же?

– Я живу в нескольких кварталах отсюда, в квартире своей однокурсницы из Барнард-колледжа.

Гиббонс бросил взгляд на Лоррейн. Услышав о Барнард-колледже, она просияла. Теперь ее отношение к Каммингс изменится к лучшему, как к выпускнице того же учебного заведения, в котором училась она сама.

– Тоцци до поправки может пожить в квартире моей подруги, а я поживу у него.

Иверс потер подбородок:

– Мне только что привели целый список гангстеров, могущих желать его смерти. Может, тот человек был послан *убить* Тоцци. Майк, ты сам говоришь, что абсолютно уверенным нельзя быть ни в чем.

– Поверьте, – повторил Тоцци, – этот человек не убийца. Будь он профессионалом, то не стал бы терять времени. Все произошло бы так быстро, что я не увидел бы его.

Каммингс скрестила на груди руки.

– Возможно, на сей раз пошлют человека, лучше знающего свое дело.

Тоцци уперся костылем в пол и развернул кресло-каталку так, чтобы сидеть лицом к ней.

– Вы очень любезны, доктор Каммингс, но как же быть с вами? Что, если кто-то явится ко мне на квартиру, ища меня, а найдет вас? Думаете, просто повернется и уйдет?

– В таком...

У Каммингс был ответ, но Лоррейн перебила ее:

– Можете пожить у нас, доктор Каммингс. Свободная комната есть.

Гиббонс молча уставился на жену. Не стой между ними Иверс, он бы задушил ее на месте. Гостей он терпеть не мог, и Лоррейн это знала.

– Я не могу навязываться вам, профессор Бернстейн.

Гиббонс облегченно вздохнул. Правильно. Не навязывайся ко мне в дом, черт возьми.

Лоррейн любезно улыбнулась и покачала головой:

– Это не навязчивость. Мы собирались взять к себе Майкла, но, мне кажется, так будет лучше для всех. Майкл сможет оправиться от раны, не теряя своей драгоценной независимости, а Гиббонс вечером подготовит вас к завтрашней работе. Вы сразу полностью погрузитесь в дело.

Гиббонс оскалил зубы. Я погружу полностью вас обеих. И не отпущу, пока не перестанете пускать пузыри.

– Это надо обмозговать, – сказал он.

Иверс пожал плечами:

– По-моему, отлично. А как на твой взгляд, Тоцци?

Тот бросил на Иверса раздраженный взгляд:

– Я лишь хочу оказаться дома и какое-то время пожить в одиночестве. Моя квартира в Хобокене гораздо спокойнее любой гринвич-виллиджской. Больше подходит для отдыха. И я плохо сплю в незнакомых местах. Понимаете?

– Можешь прекрасно отдохнуть и в Гринвич-Виллидж, – сказал Иверс. – Поживи несколько дней, увидишь.

Тон его красноречиво свидетельствовал, что у Тоцци нет выбора.

– Тоцци! Слава Богу, ты еще здесь.

Стэси Вьера вошла в палату грудью вперед. На ней была черная кожаная куртка поверх блестящего трико в диагональную красно-бело-черную полоску. Отбросив за плечо гриву длинных бронзовых кудрей, она присела на корточки перед креслом-каталкой, чтобы голова ее и Тоцци находились на одном уровне. Зад ее выглядел тоже неплохо.

– Я рада, что застала тебя до выписки. Рой сообщил, что тебя увезли в эту больницу. Я позвонила, хотела справиться, как ты себя чувствуешь, а мне сказали, что ты выписываешься. Может, лучше остаться на несколько дней? Рой намекнул, что ты вроде бы живешь один. Не стоит возвращаться в пустой дом. Одиночество создает дурную энергию, а это замедляет выздоровление.

– Что вы говорите?

Лоррейн поглядела на Стэси свысока.

Каммингс метнула взгляд на Лоррейн:

– Дурную энергию?

Иверс кашлянул и прикрыл ладонью рот. Он старался не смотреть на бюст Стэси.

– Вот как... очень мило, Стэси, что ты беспокоишься обо мне. Я... э... ценю это.

Она глянула ему в глаза:

– Я *очень* беспокоюсь о тебе. Господи, у тебя же огнестрельная рана.

– Э... да. – Тоцци пришел в замешательство. Он не знал, как реагировать на эту заботу.

Заметив, что все глаза устремлены на девушку, он стал представлять ей присутствующих. – Стэси, это мой начальник, Brent Иверс. Гиббонса ты знаешь. Это моя двоюродная сестра Лоррейн. А это доктор Мадлен Каммингс.

– Привет! – Стэси встала и перебросила волосы через плечо, словно демонстрируя модель прически, небрежно и соблазнительно.

Гиббонс делал усилие, чтобы не пялиться на нее; что правда – то правда, на эту девушку стоило посмотреть.

Иверс с любезной улыбкой пожал руку Стэси, но Лоррейн и Каммингс глядели на нее, будто стражи границы.

Внезапно Лоррейн обернулась и пронзила взглядом Гиббонса, словно прочтя его мысли. Каммингс тоже. Гиббонс выдал ответный взгляд. Если он в чем-то и не прав, это касается только его жены и его самого. А этой особе чего соваться?

Стэси, очевидно, ощутила дурную энергию, которую они излучали, потому что вид ее стал слегка испуганным.

– Не обращай внимания на этих женщин, – подбодрил ее Гиббонс. – Они учились в Барнард-колледже.

– Правда? – Девушка повернулась к стражам границы, и от этого движения рассыпались ее волосы. Она вновь отбросила их тем же элегантным движением. – Господи, и я тоже. Окончила в прошлом году.

Потом, проведя рукой по волосам, с изумлением поглядела на Лоррейн и Каммингс.

– Привет, бывшие студентки.

На лице Гиббонса появилась злобная усмешка. Стражей границы признание Стэси не обрадовало. Да и его, собственно, тоже. При мысли, что ему придется полтора месяца делить жилье с ними обеими, лицо у него вытянулось. Он уперся костяшками пальцев одной руки в ладонь другой и стал смотреть, каким бы суставом хрустнуть, но все они уже отхрустели.

Черт.

Глава 5

В коридоре пахло гнилыми фруктами, на стенах были выведены пульверизатором такие причудливые буквы, что Сол не мог составить из них слов. Видимо, детские имена, решил он. Дети вечно их пишут. Где-то в этой трущобе громко звучал стереопроектор. Сол расслышал мерзкую музыку в стиле реп. Слов песни тоже было не разобрать. Два часа ночи, а какой-то ненормальный крутит эту гнусную какофонию. Идя вслед за Чарльзом в квартиру этого негритоса, он тряс головой. Под ногами что-то хрустело. Сол нахмурился. Эти люди живут, как скоты.

Чарльз звякнул большим кольцом с ключами, прикрепленными цепочкой к его ремню.

– Надеюсь, он в норме. Хотя пилули нужно было дать два часа назад.

– Хорошо бы, – буркнул Сол. Эмерик ему был необходим. Весь план держался на нем.

– Если он совсем спятил за это время, твоя вина, – сказал Чарльз. – Незачем тебе было выходить сегодня ночью. Потеря времени, и только. Мы ничего не успеем сделать.

– Нет, это вина твоих приятелей, Рамона и Бакстера. Чего тянули так долго? Вы должны были выпустить меня в полночь.

– Я уже объяснял, Сол. Фараоны привезли из Ньюарка парня, который застрелил жену и хотел покончить с собой. Мы не знали, что они приедут. А при фараонах тебя не могли выпустить.

Чарльз свернул в другой длинный коридор.

– Черт возьми. Где же твоя квартира? Солу не терпелось увидеть Эмерика. Он хотел убедиться, что с психом ничего не стряслось.

Чарльз принялся на ходу перебирать ключи.

– Знаешь, Сол, я прав. Тебе незачем было сегодня выходить.

– У меня много дел. Ты мне твердишь, что Эмерик создает для тебя проблемы. Я должен немного поговорить с ним. А Донни должен выслушать, хоть он и псих.

Сол закусил нижнюю губу. Эмерика нужно привести в норму, пусть ненадолго. Если он будет полным психом, никто не поверит, что он совершил все убийства, намеченные Солом. Нужно обладать хотя бы проблесками разума, чтобы застрелить четверых и обозначить пулями крест.

– Поговорить, вот как? Думаешь, с Донни управляться легко? погоди. Увидишь.

Чарльз остановился перед исцарапанной металлической дверью. Номер с нее исчез, но остался контур после давней окраски: 5Л.

Отперев, Чарльз приоткрыл дверь на несколько дюймов и приблизил к щели губы:

– Донни. Донни. Это я, Чарльз. Вернулся. – И обернулся к Солу. – Нужно предупредить его, что я здесь. Если неожиданно появиться, поднимет крик.

Сол увидел, что внутри горит свет.

– Это я, Донни. Вернулся.

Чарльз распахнул дверь полностью, и им обоим открылось зрелище.

– Что за...

– Черт возьми!

Сол зажмурился от яркого света. Казалось, все светильники в квартире включены, со всех ламп сняты абажуры. Стены гостиной от плинтуса до потолка были увешаны снимками женщин, вырезанными из газет и журналов. Домохозяйки из реклам смесей для тортов Бетти Крокер. Симпатичная телефонистка в наушниках. Мадонна. Раиса Горбачева. Леона Хелмсли. Доктор Рут. Все пригвождены чем попало: кнопкам, булавками, гвоздями, вилками, ножами, штопором, спичками, карандашами, ручками, отвертками – всем, что могло войти в штукатурку стен; и каждая картинка пригвождена четырежды, в лоб, живот и плечи. У лучшей

модели месяца из журнала «Плейбой» плечи были пронзены концами раскрытых ножниц. Из живота Мисс Накачивайся на газетной рекламе оздоровительного центра торчал крючок от вешалки, изо лба супруги вице-президента – алюминиевая воронка.

Дональд Эмерик без рубашки сидел на корточках в углу и глядел на Сола с Чарльзом совершенно невинно, будто котенок. Кожа его была очень бледной, тело таким тощим, что грудь казалась вдавленной. Светло-каштановые волосы были всклокочены на темени. По лицу блуждала сентиментальная улыбка, но глаза оставались тупыми, бессмысленными. Он принялся кивать, и волосы его закачались из стороны в сторону, будто гребень петуха.

– Господь доволен, – прошептал Эмерик.

– Черт возьми, Донни, за это я сверну тебе шею.

Чарльз направился к парнишке, но Сол ухватил его за куртку:

– Не трогай. Дай мне поговорить с ним.

Чарльз пожал плечами и отошел:

– Паршивый сопляк.

Его подмывало дать парню затрещину, но Сол не хотел, чтобы Донни расстраивался.

– Принеси ему пилюлю, – велел Сол. – Быстро.

– Надо бы с цианидом, – проворчал Чарльз, отправляясь на кухню.

Когда он вышел, Сол поглядел сумасшедшему в глаза:

– Помнишь меня, Донни?

Тот отвечал ничего не выражающим взглядом.

– Не помнишь? Сола? Из больницы? Мы вместе катались на прошлой неделе. Помнишь?

Были в подвале, ты сидел на кушетке, смотрел телевизор?

Сол шагнул вперед, и сумасшедший внезапно испугался. Вскочил на диван и пронзительно завопил:

– Уйди, уйди! Ты нехороший! Ты хочешь меня убить!

– Нет, Донни. Нет. – Сол развел руками, показывая, что ничего не замышляет, но продолжал незаметно приближаться. – Я не хочу тебя убивать. Я твой друг, Донни. Я ничего плохого тебе не сделаю.

– Уйди! Уйди!

Эмерик хотел прижаться спиной к стене, но из нее торчало слишком много всевозможных предметов.

– Перестань вопить, Донни. Уже поздно. Людям надо спать.

Сол подошел ближе. Он хотел схватить маленького психа за шею, повалить на диван и прижать к нему спиной, чтобы можно было вести разговор.

– Иди сюда, Донни. Я хочу поговорить с тобой.

Сол протянул руку, чтобы схватить Эмерика за волосы, но сумасшедший внезапно вспрыгнул на диванную подушку и пнул Сола по руке.

– Ах ты, сукин...

Сол схватил Эмерика за руку, но тот метнулся к нему и опрокинул навзничь. Сол грохнулся на кофейный столик, разбив его, и сильно ударился головой об пол. Его охватила ярость. Захотелось сплющить кулаком нос этому гаденьшу. Но он сдержался. Донни был ему нужен.

Чарльз вбежал в комнату:

– Что случилось?

– Он псих, – ответил, поднимаясь, Сол.

– А то я не знаю.

Худенький парень бегал по комнате, вскакивал на мебель и верещал, будто обезьяна в клетке.

– Уйми его, пока никто не вызвал полицию.

Обращаться с сумасшедшим Чарльз умел. Он погнался за Эмериком, зажал в угол и схватил за руку, но тот вырвался, выскочил и с криком взлетел на стул.

Сол подскочил и хотел выбить стул пинком из-под Эмерика, но парень бросился в воздух, словно в полет, и едва не пролетел-таки над головой Сола, однако тот схватил его за лодыжки и повалил на дурно пахнувший ковер.

– Чарльз, помоги. Мне одному не удержать.

– А я что говорил? Без пиллюль он становится очень сильным.

Негр навалился на Эмерика.

Эмерик закричал и забился, выпростал одну ногу и стал отбиваться.

Сол получил удар пяткой в лицо, потом снова ухитрился поймать лодыжку Эмерика и прижать его ноги к полу.

– Черт возьми, вдвоем мы тяжелее его фунтов на четыреста.

– Я тебе говорил.

Эмерик издал пронзительный вопль. Сол вздрогнул от неожиданности, и сумасшедший снова вырвался. Потом, неистово колотя ногами, вывернулся из-под Чарльза и отступил к дивану. По пути с груды обломков, бывших кофейным столиком, схватил молоток. Должно быть, он прибавал им картинки.

– Ты нехороший! Уйди! Ты очень нехороший!

Парень неистово размахивал молотком.

Сол помрачнел.

– С чего это он?

– Наверное, вспомнил, как ты убивал Мистретту и Джерри. И перепугался.

– Должно быть. – Сол взял ножку от кофейного столика. – Пиллюля у тебя?

– Да. Вот она. – Чарльз разжал руку, капсула лежала на ладони. Сол узнал цвета: в одном конце оранжевые гранулы, в другом – розовые и белые. Торазин. Однако в больнице ему давали капсулы гораздо меньше этой.

– Уйди! Уйди от меня! Ты нехороший!

Глаза Донни были страшными, как у чудовищ в фильмах ужасов.

Сол неотрывно следил за молотком, которым парень махал из стороны в сторону.

– Слушай, Чарльз. Я схвачу его руку, а ты дергай за ноги. Потом сядем на него и затолкаем пиллюлю в глотку. Идет?

– Давай попробуем.

Чарльз сказал это не слишком уверенно, но отошел от Сола и приготовился к нападению.

Сол следил за взмахами молотка. Уловив момент, шагнул вперед, когда Эмерик стал отводить руку назад, бросился и ударил по ней ножкой от стола. Парень завопил, Сол нанес еще один удар, затем ухватился за ручку молотка.

Глаза Эмерика засверкали, рот широко раскрылся. Неожиданно вспомнив Дракулу, Сол испугался и снова вооружился ножкой. Проклятый псих собирался впиться в него зубами. Он уже готов был проломить ему череп, но тут вампир исчез. Чарльз выдернул из-под него покрывало, и Эмерик навзничь упал на диван. Глаза его метали искры.

– Ты нехороший! – пронзительно орал он. – Хочешь убить меня! Ты нехороший!

Сол коленом прижал Эмерику грудь и, отбиваясь от его скрюченных пальцев, всунул рукоятку молотка между его зубами. Парень впился в нее, как бешеная собака.

Иммордино тяжело дышал, по лицу его струился пот. Он чуть не прикончил Эмерика. Мог бы убить его, черт возьми, и окончательно загубить свои планы. Без Эмерика не обойтись. Он должен принять на себя ответственность за убийства Мистретты, Бартоло, Джуси и Тошци. Парня брали с собой на дело, чтобы оставить где нужно отпечатки его пальцев. Эмерик – псих будто на заказ. Если будут спрашивать, Сол скажет, что эта мысль зародилась у Эмерика, когда они вместе находились в палате. Парень услышал, как он бормочет о своих

делах, вообразил себя Солом Иммордино, удрал из больницы и убил врагов Сола. То же самое Сол заставит повторить и больничного психиатра, если фараоны станут допытываться, почему Эмерик выполнил за Сола его грязную работу.

Но, черт возьми, Солу не верилось, что он мог так забыться. Чуть не угробил малыша, своего проводника к свободе, к власти. Глотая воздух пересошим горлом, он изо всех сил держал Эмерика, стараясь не причинить ему вреда. Парень должен стать управляемым, причем в самое ближайшее время. Намеченных людей надо убрать на этой неделе, особенно Джуси и Бартоло, пока их наемный убийца не добрался до Сола.

– Чарльз, сунь ему эту чертову пилюлю. Побыстрее.

Эмерик бился и вопил как резаный. Чарльз сидел на его бедрах. Он наклонился вперед, размышляя, как пихнуть капсулу парню в рот, но сумасшедший крепко стиснул зубы на рукоятке молотка.

– Чего ждешь? Втолкни ее сбоку.

– Бесполезно. Не проглотит.

– Будем держать его, пока она не растает во рту.

– Ждать так долго нельзя. Люди вот-вот вызовут полицию. Решат, что мы убиваем здесь какую-то девку.

– Черт.

Сол заскрипел зубами. Потом одна штука на стене привлекла его внимание. Придерживая рукой молоток, он выдернул другой алюминиевую воронку изо лба супруги вице-президента. Вытряхнул штукатурку, потом попытался просунуть тонкий конец воронки между молотком и нижними зубами Эмерика.

– Ну-ну, Донни. Открой рот. Будь хорошим парнем.

Эмерик, крепко зажмурив глаза, сопротивлялся, но Сол уперся коленом в лицо щуплого психа и запрокинул его голову за край дивана. И понемногу впихивал воронку все глубже и глубже, пока Эмерик не начал давиться.

– Теперь бросай пилюлю. Быстрее.

Чарльз бросил капсулу в отверстие воронки и зажал парню ноздри.

– Глотай же, чертов псих. Глотай.

Эмерик перестал биться и запыхтел, забулькал горлом. Непонятно было, проглотил он пилюлю или нет.

– Дунь в отверстие, – приказал негру Сол.

– Что?

– Дунь, говорю. Как в трубку для выдувания стрел.

Чарльз скривился.

– А вдруг у него СПИД? Дунет обратно, и его слюна попадет мне в рот?

– Живо вдунь ему в глотку эту пилюлю, – зарычал Сол, – а то пожалеешь, что не болен СПИДом.

– Ну, ты даешь... – недовольно промямлил Чарльз, однако послушно нагнул и дунул в отверстие воронки.

– Проглотил?

– Не знаю. Что мне, пальцем туда лезть?

Эмерик давился, лицо его посинело. Сол вытащил воронку, боясь, что Донни задохнется и все его надежды рухнут. Однако рукоятку молотка не вынимал из опасения, что тот снова начнет кусаться.

Вскоре Эмерик успокоился. Тело его расслабилось, глаза постепенно стали тускнеть. Когда губы стали влажными и вялыми, Сол убрал молоток.

Сердце его заколотилось. Черт возьми! Парень умер!

Сойдя с груди Эмерика, он полез ему под рубашку – пощупать, бьется ли сердце, но когда тот замигал и взглянул на него, с Солом чуть не случился сердечный приступ.

– Черт! Мне показалось, он умер.

Чарльз слез с ног парня.

– От трехсот миллиграмм торазина? Ты бы вполне мог.

По запрокинутому лицу Эмерика текли к волосам слезы.

– Это нехорошо, – промямлил он.

Теперь парень выглядел донельзя жалким.

– Ну-ну, сядь, Донни, сядь. – Чарльз потянул его за руки и усадил. – Включи телевизор, – обратился он к Солу.

Сол недоуменно нахмурился.

– Зачем?

– Передачи его успокаивают.

– Мне он кажется вполне спокойным.

– Да, только если начнет плакать, то проплачет всю ночь. Нельзя этого допускать. Ни к чему.

Солу стало жаль парня. Телевизор стоял на дешевой подставке с выкрашенными под бронзу ножками. Концы комнатной антенны были обмотаны алюминиевой фольгой. Сол включил его.

Когда появилось изображение, Иммордино отошел, чтобы лучше видеть. Множество хромированного металла. Спортивные снаряды. Потом камера выискала эту чертову блондинку с налитыми грудями. Опять Мисс Накачивайся.

– Эй, Чарльз, твоя знакомая.

Лицо Эмерика задрожало, он издал долгий, жалобный стон:

– Нехорошо... очень нехорошо...

– Переключи. – Чарльз, сидящий рядом с парнем, прижал его лицо к своей груди, чтобы тот не видел экрана. – Ему этого смотреть нельзя. Соблазнительные девки его расстраивают.

Сол включил другую программу. Там шел фильм о Второй мировой войне, люди стреляли, бросали гранаты. Не годится. Переключил снова. Негритянские дети с огромными головами тарасили глаза, мухи лезли им в носдри. Голодающие в Африке. Сол снова потянулся к ручке переключателя. Это зрелище расстраивало *его*.

—Включи девятый канал.

Чарльз все еще прижимал к груди голову Эмерика.

Сол прокрутил переключатель. На экране крупным планом возникла банка краски.

«Да, друзья, эту часть нашей программы вел Мартин Краски».

—Это что?

– Должно быть, программа Джо Франклина. – Теперь Чарльз позволил Эмерику смотреть. – Ему она нравится. Белые старики, несущие всякую чушь, его успокаивают.

Сол поглядел на экран. Сидящий за столом Джо Франклин разговаривал с какой-то старухой, выглядела она так, словно только что явилась с танцплощадки сороковых годов. Сол не верил своим глазам. Франклину уже, должно быть, под девяносто. Щуплый, невысокий, с крашеными волосами и круглым глупым лицом. Черт возьми. Сол считал его уже покойником. А он тут как тут. Сукин сын.

Эмерик сидел на диване, не двигая ни единой мышцей, и неотрывно глядел на экран. Пилюли действительно делают своё дело. Паинька, да и только.

Потом Сол увидел на ковре воронку. На алюминиевой трубке остались следы зубов. *Глу-бокиследы*. Сол взглянул на зрачки парня, и сердце его снова бешено заколотилось.

Однако Сол понимал, что удивляться нечему. В сущности, Эмерик был маньяком-убийцей.

Глава 6

Тоцци расположился на полу, привалившись спиной к дивану и положив большую ногу на две подушки. Вокруг валялись газеты и журналы, но он уже прочел их и теперь от скуки пускал по кофейному столику заводных японских зверушек, подарок Стэси. Игрушки продавались в разобранном виде, сборка помогла скоротать время, но теперь интерес к ним пропал. Однако Тоцци заводил их и ставил на столик, поскольку делать было больше нечего.

Он завел быка и направил так, чтобы он столкнулся с неуклюже шагающей гориллой. На другой стороне столика черепаха карабкалась на сложенные ступеньками журналы «Тайм». Доковыляв до большой кофейной кружки, тоже купленной Стэси, она уперлась головой в керамический бок и затопталась на месте, скрежеща раскручивающейся пружиной.

Тоцци поднял руку и взглянул на часы. К нему обещал зайти после работы Джон Паласки, друг, вместе с которым они занимались айкидо. Взяв черепаху, Майк принялся заводить ее снова. Скорее бы приходил Джон. Вынужденное безделье сводило его с ума.

Тоцци снова пустил черепаху по столику. Она взобралась на свежий номер «Нью-Йорк таймс» и зашагала по рекламе оздоровительного центра «Никербокер» с фотографией Стэси. Об этой девушке ему хотелось забыть. Ей всего двадцать два года, черт возьми.

Но она просто изумительна.

Раздался звонок в дверь.

– Наконец-то, – пробормотал Тоцци и потянулся к пятифутовой трости «джо», лежащей на полу, – оружию, применяемому в айкидо. Концом ее нажал кнопку укрепленного на стене звонка в подъезд, чтобы Джона впустили.

Квартира подруги доктора находилась на первом этаже, поэтому Тоцци прикинул, что Джон должен уже быть у двери.

– Входи, Джон. Не заперто.

Дверь в небольшую переднюю открылась.

– Кто такой Джон?

В гостиную вошла Стэси в кожаной куртке поверх черной трикотажной майки и в облегающих джинсах с вошедшими в моду псевдоковбойскими сапогами. Улыбаясь, смахнула с лица волосы, бронзовые колечки, спадающие на одну грудь.

Тоцци втянул сквозь зубы воздух:

– Не ты.

Она пожала плечами:

– Конечно. Придется тебе пока довольствоваться моим обществом; А что он за человек? Тоже агент ФБР?

– Нет. Мы вместе занимаемся айкидо. Обещал заглянуть после работы.

Стэси сняла куртку и бросила на кресло.

– Тебя, наверно, угнетает, что пропускаешь экзамен на черный пояс?

Тоцци пожал плечами:

– Ничего не поделаешь. Пройду его в следующий раз, вот и все. В холодильнике есть пиво и содовая. Бери, если хочешь.

– Спасибо.

Стэси пошла на кухню, Тоцци разглядывал ее сзади. Ему очень хотелось ее. Изумительная. Не просто красавица, но еще и элегантная, остроумная, веселая. Думая о ней, он неизменно вспоминал про свой возраст. Ей всего двадцать с небольшим, а ему почти сорок. Он годится ей в отцы. *Вот что* угнетало его. И не только разница в возрасте. Мало ли мужчин привлекается с девочками гораздо моложе себя. Только в ушах у него постоянно слышался голос с интонациями Лоррейн: *повзрослей, остепенись*.

Стэси вернулась с бутылкой пива: Гиббонс купил ему целый ящик. И сбросив с ног сапоги, села на пол по другую сторону кофейного столика. Окинула его взглядом своих карих глаз и поднесла бутылку к губам.

– Ты что-то сам не свой. Заскучал?

– Пожалуй.

– Чего же торчишь здесь? Это ведь Гринвич-Виллидж. Есть где развлечься.

– Сегодня и завтра ходить мне еще нельзя. Врач запретил. – Тоцци хмуро посмотрел на больную ногу. – А поскольку это правая, нельзя и водить машину.

– Ты не просил у начальника на дом какой-нибудь канцелярской работы?

Тоцци потрянул головой:

– Звонил Иверсу сегодня утром. Отказал наотрез. Заявил, что отпуск по состоянию здоровья означает освобождение от работы. От всякой.

– И ты подчинишься?

Стэси отпила еще глоток.

– Нет.

Она улыбнулась.

– Вот это мне нравится. Ты выглядишь человеком строгих правил, но это не так. На самом деле ты просто очень хладнокровен.

– Кончай. Сорокалетние мужчины не хладнокровны. Это только так кажется.

– Не согласна. Совершенно. Ты готовишься получить черный пояс, зарабатываешь на хлеб, гоняясь за мафиози, носишь пистолет и все такое прочее. То есть живешь кипучей жизнью, хотя сам не кипучий. На самом деле ты славный парень. Спокойный.

– Польщен.

– Но не веришь, что это так.

Тоцци покачал головой:

– Нет.

– Я хочу сказать вот что. Ты хладнокровный, потому что не считаешь себя хладнокровным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.